

ДОУШЬ
ЗАТОНУВШЕЙ
ИМПЕРИИ

ФРЭНКИ ДИАНА МЭЛЛИС

Затонувшая империя

Фрэнки Диана Мэллис

Дочь Затонувшей империи

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Мэллис Ф.

Дочь Затонувшей империи / Ф. Мэллис — «Издательство АСТ»,
2022 — (Затонувшая империя)

ISBN 978-5-17-159172-4

Леди Лириана Батавия – третья в очереди на престол Бамарии. Лир девятнадцать, она планирует стать магом, положение обеспечивает ей богатство и привилегии, но не безопасность. Бамария подчиняется строгим законам императора Люмерианской империи, который решает, какая магия дозволена, а какую следует запретить, и ее обладателей казнят. Именно из-за запретной способности видеть будущее погибает двоюродная сестра Лир. Долгие годы Лир защищает своих сестер, помогая им скрывать незаконную магию. Но и ее собственная церемония раскрытия силы преподносит шокирующий сюрприз. Лир грозит изгнание из империи, и чтобы не покидать родных, она соглашается пройти суровую подготовку на война и справиться с испытанием силы, которое устраивает император. Но, тренируясь под наставлением лорда Райана Харта, в которого тайно влюблена еще с детства, – грозного воина в изгнании, отношения с которым для нее под запретом, – Лир рискует потерять гораздо больше, чем свою семью, страну и жизнь. Силы заговорщиков и армия завоевателей вносят смуту в Бамарии, а секреты ее семьи угрожают раскрыться. Возможно, чтобы пережить боевую подготовку и спасти сестер, Лир придется пожертвовать своим сердцем.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-159172-4

© Мэллис Ф., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Первый свиток. Ворок	6
Глава 1	6
Второй свиток. Черный серафим	18
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	44
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Фрэнки Диана Мэллис

Дочь Затонувшей империи

Посвящается Атии, которая первой поверила в магию и не переставала верить, даже когда та проявлялась крайне медленно

Первый свиток. Ворок

Глава 1

Когда темнеющее небо окрасилось в сине-фиолетовые оттенки, хранители времени огласили пробивший час. Солнце за спиной уже опустилось в грохочущие волны океана, а колокола зазвонили громче, пока я бежала по каналу. Я опаздывала. Завернув за угол, я почувствовала, как пот выступил у основания шеи. Крепость была такой чертовски огромной.

Размахивая руками, я побежала быстрее, буквально проносясь над водой. Мне нужно было успеть добраться к входу в Крестхейвен до того, как смолкнут колокола, но я находилась еще очень далеко. Оставалось преодолеть еще по меньшей мере четверть мили крепостной стены и рва. Лошади-ашван надо мной начали снижаться, заканчивая свое ежечасное патрулирование. Их копыта оставляли на фоне ночи флуоресцентный голубой свет, освещая яркими пятнами тела. Затем их мерцающие следы растворились в ночи, и остался только свет звезд.

Проклятье. Колокола могли замолчать в любую секунду.

Мои сандалии со шнуровкой до колен определенно не предназначались для бега. Впрочем, как и я, леди Ка Батавия.

Стеклянный пол обогнул угол каменной крепости, и звон колоколов прекратился как раз в тот момент, когда кто-то окликнул меня.

Черт, черт! Я определенно влипла.

– Леди Лириана. – Один из караульных моего отца. – Ваша светлость? Вы здесь?

Я завернула за еще один угол, скользя по стеклянному полу над водным каналом. Дурацкие скользкие стеклянные каналы и эти громадные крепости.

Выбежав на свет факелов, я наткнулась на своего отца, Верховного лорда Бамарии. Он нетерпеливо ожидал возле парадного входа, и летний ветерок играл с подолом его черной мантии, а голову венчал золотой Лавр Аркасвы. Отец бросил на меня всего один взгляд. Тот самый, который означал, что я явно напросилась на неприятности. К счастью, мой проступок был не столь значительным, и отец не собирался тратить время, чтобы наорать на меня. Во всяком случае, пока. Сейчас нам предстояло появиться на публике.

Я добралась до площади совершенно запыхавшаяся. Несколько караульных краем глаза наблюдали за мной с явным любопытством и осуждением. С пылающими щеками я бросилась в конец процессии и постаралась успокоиться. Слуги и охранники всегда сплетничали о своих подопечных. Но все произошло буквально недавно. Неужели слухи уже успели распространиться? Знали ли они причину моего опоздания? Или почему я так задержалась у прудов?

Моя старшая сестра Мира, увидев меня, закатила глаза, но не выглядела расстроенной. И это хорошо. Несмотря на то что сегодня у меня день рождения, этот вечер должен был стать самым важным в ее жизни, поэтому я, мягко выражаясь, едва ли удостоилась внимания.

Светло-каштановые волосы Миры ниспадали идеальными локонами по спине. Лоб украшала золотая диадема, напоминающая корону, концы которой исчезали между прядями. Вполне уместно, поскольку сегодня вечером Миру официально провозгласят Престолонаслед-

ницей, следующей в очереди на правление как Аркасва. Практически королева, за исключением того факта, что Бамария являлась частью Люмерианской империи и подчинялась Императору. Но все же глупо было бы злить без пяти минут королеву, особенно когда она является твоей старшей сестрой.

Моргана, наша средняя сестра, вечно злилась на весь мир и сейчас нахмурила свои изящные черные брови, бросив на меня неодобрительный взгляд. Я показала ей язык и заняла свое место в конце процессии рядом с нашей двоюродной сестрой Джулс, которая покачала головой на мою выходку, но ее глаза озорно блеснули.

– Лир, твои волосы, – пожурила она, расправив тонкими руками мои длинные локоны и водрузив мне на место диадему. Джулс единственная из нашей компании не носила это украшение. Она была нашей двоюродной сестрой и благородных кровей, но, в отличие от меня и моих сестер, не претендовала на власть Аркасы. – Предполагаю, ты так взъерошена, потому что очень спешила попасть сюда. Или... причина в другом? – Лукавая улыбка озарила ее лицо.

– Я бежала, – многозначительно ответила я.

– Несомненно. – Она понимающе кивнула, но по ее лицу было件нятно, что она мне не поверила. Джулс еще раз провела пальцами по моим волосам, перекинув выбившиеся пряди за плечо, и снова кивнула. – Теперь ты выглядишь превосходно.

– Как и ты, – ответила я с улыбкой. Для Джулс этот вечер тоже был очень важным.

Мы начали наше шествие по главному проходу, и она взяла меня за руку.

– Ну? – спросила она. – Мне нужны подробности. Что произошло?

Моргана, вытянув шею, оглянулась на нас через плечо.

– Да ладно. Мы уже знаем, что ты его поцеловала.

– Моргс! – огрызнулась я. – Заткнись.

– Правда? – переспросила Джулс. – Ты его поцеловала? – прошептала она.

У входа в крепость на смену караульным начали появляться сотури, наши вездесущие сопровождающие и охранники, маскировавшиеся под окружающий ландшафт. Трое из них зашагали рядом с моим отцом. У Миры, как Престолонаследницы, было два охранника, в то время как у Морганы, Джулс и у меня по одному, они следовали за нами тенью. Моим был угрюмый сотурион по имени Маркан, он присматривал за мной с тех пор, как я научилась стоять. Его мускулы напрягались, когда он шел рядом, а позолоченные доспехи позвякивали в такт его сандалиям, которые шлепали по стеклянному полу прохода.

Я поймала взгляд Джулс и кивнула.

– Ты и Тристан! – взвизгнула она. – Я так за тебя рада.

– Тихо!

Я зажала ей рот рукой. Маркан находился слишком близко, и ему не нужно знать никаких подробностей о том, что мы сделали или что послужило причиной моего опоздания. К тому же его совершенно не касалось, что после ухода Тристана я еще долгое время сидела на краю бассейна, снова и снова прокручивая в голове нашу встречу.

Запах самого Тристана, мяты и соленого океана все еще щекотали мне нос. Кожу покалывало от возбуждения при воспоминании о его прикосновениях. О его тепле. О его пальцах, впившихся в мою спину, пока мы целовались, теснее прижимаясь и лаская друг друга до головокружения. Я целовалась со многими парнями, но это было гораздо больше, чем просто поцелуй. И Тристан был не просто какой-то мальчишка. В будущем он станет правителем своего Ка и сейчас уже являлся магом-наставником. Самым завидным и привлекательным женихом среди бамарской знати.

Наша процессия достигла внешней стены крепости и нашего личного порта серафимов, где ожидала дюжина гигантских птиц с серовато-белым оперением и крыльями из чистого золота, к их спинам крепились ярко-голубые, инкрустированные драгоценными камнями эки-

пажи. Мы разделились на три группы. Джулс, Моргана и я вместе с тремя нашими сопровождающими забрались в последний экипаж.

Сотурион Маркан закрыл двери и удалился за перегородку вместе с остальными охранниками. Пол под нашими ногами дрогнул, когда серафим поднялся на лапы. Птица взмахнула крыльями, стекла в экипаже задребезжали, и мы взлетели.

Как только мы поднялись в небо, Джулс счастливо вздохнула.

– Лир, я так рада, что это произошло на твой день рождения.

– Да, это замечательно, что она заключила союз между Ка Батавия и Ка Грей, который скрепит брак, – сухо добавила Моргана.

– Мне семнадцать, – ошарашенно ответила я. – Никто не собирается замуж. – Пока. Еще даже речи не шло о том, чтобы Мира нашла себе пару, а через несколько лет она уже станет Верховной Леди страны.

Моргана нахмурилась.

– Лир, спустись на землю. Тристану двадцать. Он еще молод. – Она подняла руки, словно останавливая свою сестру. – Но не для Ка Грей. Они, черт побери, такие старомодные. Если он тебя поцеловал, то непременно последует предложение руки и сердца, которое мы годами предполагали.

– Нет, этого не будет. Да это же смешно, – ответила я.

– Лорд Тристан Грей даже в туалет не может сходить без позволения Леди Ромулы, если это не принесет ей еще больше денег или не укрепит ее положение в Бамарии, – усмехнулась Моргана.

– Фу, Моргс. – Джулс постучала пальцем по подбородку. – Хотя ты права.

– Но Леди Ромула и так уже Магистр финансов, – нахмурилась я. – О каком более высоком положении она могла бы мечтать?

– Бабушка жениха леди Лирианы Батавии, наследницы Аркасвы, Верховного лорда Бамарии, которая является третьей в очереди на Престол всевластия, – лукаво ответила Джулс. – Лир, как только твой отец передаст Лавр Мире, ты станешь второй в очереди на престол. Это для нее очень заманчиво.

Я пожалала плечами и выглянула в окно. Пляжи и сельский пейзаж сменились городом Уртавия и храмом Зари, древним зданием, построенным в форме валалумира – семиконечной звезды. Но это можно было увидеть только сверху. Наши предки желали, чтобы с неба все выглядело эстетично, поскольку большую часть своей жизни проводили, летая на спинах серафимов.

Мы приземлились в красном луче у входа в храм, которым пользовались только члены моего Ка. Мой отец и его охрана вместе с Мирой и Джулс, облачившись в белые церемониальные мантии, должны были первыми войти в храм, так как всем троим предстояло сыграть важные роли.

Джулс повернулась и крикнула нам с Морганой:

– Увидимся позже! И, Лир, надеюсь, ты не собираешься проводить весь вечер с Тристаном, потому что у меня с моей магией для нас большие планы! Моргс, тебя это тоже касается!

Моргана закатила глаза, а я глупо усмехнулась. Мы с Джулс придумали кучу всевозможных шалостей на эту ночь. Нам потребовались месяцы, чтобы все спланировать. Сложные заклинания и розыгрыши, которым мы хотели подвергнуть всех стражей в Крестхейвене. А также вылазка в город тайком.

– Никакого сна! – крикнула я в ответ.

– Никакого! – Джулс послала мне воздушный поцелуй. – Люблю тебя!

Я ответила тем же и махнула ей, чтобы она вошла внутрь. От резкого порыва ветра, вызванного хлопаньем крыльев еще одной приземлившейся птицы-серафима, прядь волос хлестнула меня по лицу и запуталась в диадеме. Спускавшийся на землю голубой экипаж укра-

шал огромный флаг с изображением символа Ка Грей: серебряных крыльев серафима под полной серебряной луной. Дверцы экипажа открылись, и наружу вышли четыре мага, следом за ними появился Тристан в новой голубой тунике, подпоясанной переливающимся серебряным ремнем. Его посох был вложен в серебряные ножны, элегантно висевшие на бедре. Тристан выглядел настолько красивым, что у меня перехватило дыхание. Его рука покоилась на ремне, а всего лишь час назад этой самой рукой он ласкал мою спину, грудь и бедра.

– Четверо сопровождающих? – съязвила Моргана. – Я вторая наследница на престол и приехала только с одним.

– Перестань, – велела я. – Леди Ромула всегда была... немного экстравагантной. Тристан не такой.

– Конечно. А я императрица Люмерии. – Моргана презрительно покачала головой и удалилась в храм Зари со своим единственным сопровождающим сотурионом.

Тристан провел рукой по своим растрепанным каштановым волосам, которые, как я теперь знала, были мягкими на ощупь. Он направился ко мне с беззастенчивой уверенностью лорда, который когда-то станет править своим Ка. Лордом, которому суждено однажды занять весьма престижное место в Совете Бамарии.

Я взяла его за руку и повела вперед. Прежде чем кто-либо из наших охранников смог нас догнать, я нырнула в темный угол внешней ниши храма и прижалась спиной к прохладному камню. Облизав губы, обвила руками талию Тристана и притянула его к себе. Еще один поцелуй, еще одно мгновение для меня в день моего рождения, прежде чем нам снова придется надеть на себя маски и притвориться невинными, благонравными аристократами. Он скользнул по моему языку своим, и на мгновение я почувствовала чистое блаженство. Пока не послышались приглушенные шаги наших сопровождающих и мы, смеясь, не отскочили друг от друга.

Все, кто занимал хоть какое-то положение, уже находились внутри. Знать древних Кавимов собралась в проходах, восхищаясь нарядами и драгоценностями друг друга и сплетничая. Помимо пустой болтовни в воздухе витало предвкушение. Сегодня на церемонии Обретения присутствовал Престолонаследник.

Мы расположились на семейной скамье в красном луче, который находился ближе всего к круглому помосту Обители Ориэла. На нижней платформе сидели, скрестив ноги, будущие маги и сотури. Голубые веревки искрились магией, создавая барьер между участниками церемонии и зрителями. Сразу за веревкой располагался Престол Аркасвы, золотой трон моего отца.

Когда все заняли свои места, Архимаг Колайя поднялась на помост, расположенный под вечным пламенем. Она была очень старой, с темно-коричневой кожей и белыми волосами, заплетенными в длинные косы, достигавшие пола. Когда она начала ритуальное песнопение вступительной молитвы на древнем люмерианском, Тристан взял меня за руку и нежно провел большим пальцем по ладони. Я прильнула к нему, и наши колени соприкоснулись. Ухмыляясь, Тристан наклонился ближе и откинул мои волосы назад, чтобы поцеловать меня в шею.

Я задрожала.

– Лир, ради Богов. Все на тебя смотрят, – прошипела Моргана.

Оглянувшись через плечо, я заметила, как тетя Арианна одарила меня понимающим, но при этом строгим, неодобрительным взглядом. Мы сидели у всех на виду на государственном мероприятии. Да к тому же еще и священном. Вся остальная молодежь на задних рядах занималась друг с другом бог знает чем, но я не могла себе такого позволить. Мне предстояло сыграть роль. Леди Лириана Батавия, наследница Аркасвы, Верховного Лорда Бамарии. Образец добродетели, неизменно непорочная, правильная и вежливая. Наши с Тристаном отношения непременно подверглись бы пристальному вниманию, так как мы были наследниками глав

наших Кавимов, а это политический союз. Я уже ощущала на себе пристальные взгляды знати, могла представить их домыслы.

Собирался ли Ка Батавия вступить в союз с Ка Грей?

Этот вопрос почти усмирил мое желание. Почти. Я положила руку на деревянную скамью рядом с Тристаном, осторожно потянувшись пальцами к нему, чтобы мы могли незаметно коснуться друг друга, и отодвинула от него свои колени, всего на дюйм.

Я снова оглянулась на тетю Арианну, и она одобрительно кивнула, обнимая свою дочь Нарю, еще одну мою двоюродную сестру. Через два года нам обеим предстояло облачиться в белые мантии и принять участие в церемонии Обретения. Нария никогда не ладила ни со мной, ни с моими сестрами. Она не походила на нас ни по характеру, ни по темпераменту, ни по внешности. У всех женщин Батавии были каштановые или рыжие волосы. Нария же родилась блондинкой, как когда-то ее отец, мой дядя Тарек. Он умер, как предатель.

– Когда в небесных царствах обитали боги и богини, – напевала Колайя, – Кантуриэл создал светоч, настолько прекрасный и славный, что тот светил днем и ночью. Он назвал его Валалумиром. Внутри него можно было увидеть все цвета радуги, которые сияли так ярко, что Небеса не могли скрыть их свет. Он никогда не обжигал тех, кто прикасался к нему, не ослеплял тех, кто смотрел на него. Насколько дивной была его красота, что солнце меркло в сравнении с ним, поскольку светоч был ярче, добрее. Звезды и луна почувствовали, что их красота угасает. – Вечное пламя над ее головой переливалось всеми цветами радуги, окрашивая новыми оттенками белые одежды адептов, которые терпеливо ожидали внизу.

Тристан взял меня за руку, его пальцы медленно скользнули вверх-вниз по моей ладони, и я тут же утонула в омутах его карих глаз.

Из похожих на соты ячеек, оборудованных в стенах, показались свитки «Вальи», чтобы каждый люмерианец мог их прочитать. Ну, каждый люмерианец, который действительно следил за церемонией. В нескольких рядах от нас, в зеленом луче, леди Ромула неодобрительно наблюдала за мной и своим внуком. Вздохнув, я отпустила руку Тристана, раскрыла свиток у себя на коленях и села прямее. Нужно подождать еще несколько часов, и мы сможем остаться без посторонних глаз.

Наконец песнопение закончилось. Тихое шуршание сворачиваемых свитков «Вальи» разнеслось по всем семи лучам храма, и вскоре свитки разлетелись во все стороны, возвращаясь на свои места в стенах.

Хранители Красного и Фиолетового лучей Светоча, облаченные в соответствующие цвета, присоединились к Архимагу Колайе на верхнем помосте для проведения церемонии.

Колайя начала называть имена девятнадцатилетних будущих магов и сотури. Большой серебряный перстень Тристана прижался к моей коже. И вопреки своим предыдущим словам, я внезапно представила нашу официальную помолвку. Как свяжу свою жизнь с Тристаном, как разделю с ним постель. Если такое произойдет, он должен будет подарить мне украшение с гербом своего Ка, а я должна буду подарить ему что-то со своим символом. Внутри у меня все перевернулось.

– Джулс следующая.

Тетя Арианна похлопала меня по плечу. Я повернулась, чтобы улыбнуться ей, но заметила, что Нария наблюдает за Тристаном с открытым вождением. Она пыталась поцеловать его в прошлом году в день летнего солнцестояния. Он отверг ее, но Нария по-прежнему желала его. Я не сводила с нее сердитого взгляда, пока она не поняла, что ее поймали с поличным, и не опустила глаза на свое платье, украшенное сапфирами.

– Леди Джулианна Батавия, – низкий голос Колайи завибрировал в воздухе.

По храму разнеслись приглушенные звуки. Кто-то зашуршал по полу ногами, устраиваясь поудобнее. Несколько человек закашлялись, а их деревянные сиденья заскрипели, когда они наклонились вперед.

– Твоя тетя Джианна, На Ка Мокан, очень гордилась бы, – тихо сказала Арианна. Непроизвольно мы с Морганой произнесли слова за покойную:

– Ее душа свободна.

Джулс встала, словно богиня в своем белом одеянии, и поднялась на помост. Вечное пламя пылало и потрескивало, излучая чистый белый свет, а затем зашипело. Когда Джулс приблизилась, оно вспыхнуло красным. Батавия красная. Наш цвет. Признак удачи. Он придал ее волнистым каштановым волосам огненно-рыжий оттенок. Мое сердце заколотилось от радостного волнения за сестру.

– Леди Джулианна, – произнесла Архимаг Колайя, – какой путь вы выбираете?

– Мага.

Джулс расплылась в сияющей улыбке, и мое сердце наполнилось гордостью. Она нашла меня взглядом, подмигнула и сняла свою белую мантию, явив взору присутствующих фиолетовое платье длиною до пола. Мы неделями ходили по магазинам Уртавии, подыскивая подходящий наряд и доводя портних до безумия своими запросами, пока не нашли идеальное платье.

Хранитель склонила голову, откладывая в сторону белую мантию, и Джулс вытянула вперед правую руку. Сталь церемониального кинжала блеснула на свету, когда Колайя рассекла кожу на запястье Джулс. Надрезы на правой руке предназначались для магов, на левой – для сотури. На ее коже выступили капельки крови. Джулс поджала губы, но, будучи аристократкой до корней волос, даже не вздрогнула. Она скользнула к столу Хранителя Фиолетового луча и протянула руку. Капельки ее крови упали в церемониальную чашу с водой, и тихий всплеск эхом разнесся по храму.

– Моя клятва начинается здесь, – произнесла она.

Хранитель Фиолетового луча открыла свой сундук и достала посох для Джулс, прекрасное сплетение золотой и серебряной древесины священных деревьев солнца и луны. Архимаг Колайя сложила ладони чашей над головой Джулс. Над ними запульсировали искры, формируя в золотую сферу света. Архимаг взмахнула руками, и золотистый свет озарил тело Джулс, опустившись на пол, где исчез вместе с Заклинанием новорожденного, которое сдерживало ее магическую силу до настоящего момента.

Я затаила дыхание в ожидании, когда Джулс поднимет свой посох и ее имя волшебным образом выжжется на нем. Теперь она могла продемонстрировать первую силу своей магии. Ее мать, тетя Джианна, была высокоуважаемым, могущественным магом, как и все женщины рода Ка Батавии, поэтому в храме царило напряженное ожидание.

Но Джулс уронила свой посох, и он упал на помост с громким стуком.

У меня горло сжалось, а лицо вспыхнуло. Сначала я почувствовала смущение. Жгучее унижение за Джулс. Я просто сторала от стыда. Этого не должно было произойти. Никто не ронял свой посох, особенно в самый ответственный момент своей жизни. Это был абсолютный позор для Джулс и нашего Ка.

Только когда ее посох прокатился по полу Обители мимо адептов, сидевших на нижнем уровне, и приземлился на полу храма, мой стыд рассеялся, и я испытала страх.

Что-то было не так.

Моргана схватила меня за руку.

– Нет, – сдавленным шепотом произнесла она.

Глаза Джулс расширились, на лице появилось выражение ужаса, а губы приоткрылись.

– Почему она его не поднимает? – потребовала я. Оставлять посох на полу считалось неприличным.

– Нет, нет, нет! – шепот Морганы затих, но я все равно чувствовала, как она произносит эти слова одними губами, сжимая мою руку. Ее ногти вонзились мне в кожу, и я вскрикнула. На руке выступили капли крови.

– Моргс! – Я попыталась высвободиться из ее хватки, но она только шикнула на меня и сжала руку еще крепче, когда Джулс закричала с помоста, издав леденящий кровь животный звук.

Тристан прошептал мне на ухо что-то резкое и неразборчивое. Но я не могла думать, я ничего не слышала, потому что в этот момент его высочество Наместник встал со своего места.

Меня окатило волной леденящего ужаса. Место Наместника и так располагалось в первом ряду, но он прошел вперед, остановившись сразу за магически защищенными границами церемонии. Наместник встал позади моего отца в непринужденной позе, откинув назад свой черный с золотой окантовкой плащ. Но в выражении его лица не было ничего непринужденного. Он был хищником, таким же опасным, как и волк на его гербе. Сильная магия, живущая в нем, окутывала его темной аурой.

Моргана задрожала и придвинулась ближе ко мне, все еще сжимая мою кровоточащую руку. Тристан подался вперед, склонив голову набок. Еще с детства это было признаком того, что он злится. Он больше не прикасался ко мне. Его губы, такие мягкие во время наших поцелуев, сжались в суровую линию. Он повернулся к своей бабушке, а затем к Наместнику и подал сигнал, которого я не поняла. Черная тень зловещего предчувствия окутала сердце. Аура Тристана пульсировала тьмой, жадной мести и ненавистью.

Джулс закричала громче, и я встала. Мне нужно было добраться до нее, защитить. Она была моей двоюродной сестрой, моей семьей... моей лучшей подругой. Но Моргана схватила меня за талию с невероятной силой, и я впечаталась в деревянную спинку скамейки, позвоночник пронзило острыми кинжалами боли, а на глазах выступили слезы.

Ногти Арианны вонзились в мое плечо сзади, пригвоздив меня к месту.

– Лир, сиди смиренно, – резко бросила она. – Не двигайся.

Крики Джулс пронзали душу, и слезы градом катились по щекам. Она колотила руками по воздуху, словно царапая ногтями какого-то невидимого противника, и издавала чудовищные нечеловеческие звуки. Я никогда не видела ее такой. Происходило что-то ужасное, и это ее пугало. Мы должны были помочь ей, пойти к ней. Но я оказалась в ловушке, пригвожденная ногтями тети.

Тристан встал вместе со всеми в храме. Наместник сделал еще один шаг в сторону Обители Ориэла, не сводя черных глаз с Джулс. Он прошел мимо моего отца и двинулся сквозь церемониальные барьеры. Я никогда раньше не видела, чтобы их пересекали. Не думала, что это вообще возможно. Но Наместник не был обычным люмерианцем. Он был единственным человеком в Бамарии, который превосходил моего отца по рангу; он был кровным родственником Императора.

– Нет, – слова сами сорвались с губ.

– Лир, заткнись, – прошипела Моргана. – Заткнись!

Она настолько медленно повернулась ко мне, что я не понимала, то ли это ее движения стали такие тягучие, то ли это мой разум замедлил происходящее.

– Не двигайся, – произнесла она одними губами.

Меня всю трясло, перед глазами все расплывалось, а горло сжималось.

– Почему? – прохрипела я, в глубине души понимая, в чем дело, но не была готова принять правду. – Что с ней не так? – Мой голос звучал отчаянно, слабо, как у испуганного ребенка.

Моргана нахмурила темные брови, ее грудь тяжело вздымалась.

– Ворок, – прошипела она.

У меня закружилась голова, перед глазами заплясали черные пятна, подтвердив то, что я и так уже знала.

Ворок. Запретная магия. Запрещенная.

Много веков назад Сенат и Император запретили практиковать ворок, наложив на эту магию табу. Запрету подверглись три вида магических сил, не поддающихся контролю, опасные и изменчивые. Первая – перемещение в пространстве, способность исчезать и появляться в другом месте. Вторая – чтение мыслей. И третья – предвидение, способность заглядывать в будущее. Любого, у кого обнаруживали эти способности, незамедлительно связывали и арестовывали. Иногда эти способности проявлялись у магов спустя несколько лет после раскрытия их магии. Но более могущественные маги выявляли свои способности сразу же. Семья Тристана, Ка Грей, специализировалась на охоте за вороком, доставляя тех, кто избежал церемонии Обретения, его высочеству, Наместнику, для наказания.

Наместник ступил на помост. Адепты быстро бросились врассыпную, убираясь с его пути. За ним следовал его приспешник, командующий армией, отвратительный человек, известный как Породитель ублюдков. Ходили слухи, что он являлся отцом половины сотури Ка Кормака, овладев их матерями силой. Его рука уже покоилась на рукояти меча.

– Леди Джулианна Батавия, – голос Наместника прокатился эхом подобно маршу смерти, отбиваемому барабанами.

– Остановите их! – выкрикнула я.

Арианна наклонилась вперед, ее голос резанул меня по уху, словно нож.

– Лир, ты проклянешь нас всех, если не замолчишь. Сейчас же возьми себя в руки. Ты должна контролировать то, что они видят. Особенно он.

Мое зрение то прояснялось, то расплывалось, и мне стало тяжело дышать. Казалось, стены храма начали смыкаться, а потолок готов обрушиться. Я была уверена, что умру, а храм упадет и раздавит меня. На самом деле все это просто игра моего воображения: что Джулс обладает вороком, а Наместник и Породитель ублюдков приближаются к ней...

– Леди Джулианна Батавия, по приказу Сената и Императора Теотиса, Верховного лорда Люмерии Ньютавии, настоящим вы арестованы за владение вороком, а именно, способностью предвидения.

Храм взревел, заглушая мои крики. Каждый представитель знати призывал к аресту Джулс, требовал ее крови, хотя всего несколько минут назад эти лицемеры наблюдали за ней с восхищением и уважением. Даже Хранители отступили назад, опустив покрытые вуалью лица.

Наместник бросил взгляд на Породителя ублюдков.

– Схватить ее!

Я искала взглядом отца, пытаясь привлечь его внимание. Он являлся Аркасвой Батавии, Верховным лордом Бамарии. Как он мог позволить этому случиться? Как мог допустить, чтобы его племянницу забрали?

Он восседал на Престоле всевластия неподвижно, словно статуя, с выражением полного безразличия. Мне хотелось подбежать и наброситься на него, вцепиться ногтями в кожу, чтобы он хоть что-то сделал, сорвать с его головы золотой веночек и закинуть ему в глотку, чтобы он вспомнил, что является носителем Лавра Аркасвы. У него была власть. Почему он не спасет Джулс?

Породитель ублюдков, не теряя ни секунды, схватил за запястья Джулс своими мясистыми руками и перекинул ее через плечо. Джулс истошно закричала, когда он обхватил ее ноги и потащил к похожему на паука магу из Ка Кормака.

– Свяжите ее, – прорычал Наместник.

Маг поднял свой посох, выпустив черные тени, которые, излучая красный свет, обвили вокруг Джулс длинными веревками, а затем почернели. Сестра обмякла и, закатив глаза, безмолвно подалась вперед, после чего Породитель ублюдков выволок ее на улицу. Двери храма захлопнулись со зловещим стуком, эхом отразившимся от стен семи лучей. Они вышли через красный вход – он предназначался только для моего Ка, для моей семьи. Джулс исчезла, ей уже не помочь, а мы остались сидеть в храме.

– Она будет содержаться в Цитадели Теней связанной, пока ее не перевезут на Литию, – провозгласил Наместник.

– Лития? – Воздух застрял в горле. Никто не возвращался из Литии. Джулс не заслужила того, чтобы ее сослали туда, она не преступница. Она была девятнадцатилетней девушкой, у которой еще вся жизнь впереди. Моя двоюродная сестра. Моя лучшая подруга. Самый добрый, милый и забавный человек, которого я знала. Она не должна туда попасть. Мы не могли этого допустить.

Я попыталась встать, вырываясь из хватки тети, которая удерживала меня на месте. Попыталась ударить Моргану, заставить ее что-то сделать, остановить все это, спасти Джулс. Но Моргану откинула на спинку скамейки, обхватив себя руками, ее бледное лицо ярко выделялось на фоне черных волос.

Тетя отпустила меня в тот момент, когда я оказалась в объятиях Тристана и он прижался к моей щеке своей.

– Лир, – твердо позвал Тристан. Он крепко сжимал меня, притягивая к себе. Его прикосновения были такими же интимными, как и раньше, но сейчас они как будто лишали меня свободы, душили. – Лир, ты должна остановиться. Успокойся.

Я оттолкнула его. Безумство Литии, он совсем рассудок потерял? Я не собиралась успокаиваться. Породитель ублюдков забрал Джулс! Породитель ублюдков! Все знали, что оставаться с ним наедине опасно. Она находилась в опасности.

Глаза Тристана потемнели, а губы сжались в тонкую линию.

– Лир, мне жаль. Я... Джулс тоже была мне дорога... Очень. Но... – Он впился пальцами мне в руки.

– Была дорога? – спросила я. Почему он говорил в прошедшем времени?

– Она обладает вороком, – ответил Тристан. В его голосе слышались нотки категоричности. – Она не та, кем мы ее считали. Ты должна ее отпустить. Она должна умереть в Литии.

Я отдернула руки, но Тристан держал меня слишком крепко. Пот стекал по затылку. Меня бросало то в жар, то в холод. Я была готова закричать ему в лицо. Джулс обожала Тристана, выросла рядом с ним, и вот как он ей отплатил?

– Слава Богам за Ка Грей, – тихо промурлыкала Нария. – Твоя семья много лет оберегала Бамарию от ворока. Хорошо, что Джулс так легко разоблачили.

Я почувствовала, как тошнота подступает к горлу. Вот так просто Нария отвернулась от нашей двоюродной сестры, ее собственной крови, ее Ка. Тетя Арианна как обычно оставалась спокойной, ее выдавала только небольшая буря эмоций в глазах.

Мой отец встал и, прихрамывая на правую ногу, вышел вперед. Когда он стал Аркасой, на него было совершено нападение, и с годами травма только усугубилась из-за заклятия, которое один из магов тогда использовал. Лавр на его голове сполз вперед, затеняя глаза. Он быстро поправил его, водрузив золотой венок на место.

Отовсюду раздавались крики, но они смолкли под взглядом моего отца, Верховного лорда Бамарии, а также при демонстрации силы его военачальника, который положил руку на свой меч. Лицо отца не выражало никаких эмоций, он махнул рукой встревоженной толпе занять свои места и успокоиться. Мы не оплакивали тех, кто обладал вороком. Мы их уничтожали.

– Продолжайте. – Отработанным движением он небрежно поднял руку. Казалось, от него каким-то неестественным образом исходили мощные волны спокойствия.

Выпучив глаза, архимаг Колайя бросилась в центр Обители, а Верховный лорд Бамарии, прихрамывая, вернулся на свой Престол. Его шаги эхом отдавались в повисшей тишине.

Я переживала кошмарный сон наяву. Церемония Обретения продолжилась, словно ареста Джулс вовсе не было, как будто мне это привиделось. Арианна продолжала удерживать меня на месте, заставляя молчать.

Я наблюдала за церемонией сквозь пелену слез, а сердце обливалось кровью. Я не могла выбросить из головы образ Джулс, стоящей снаружи храма, посылающей мне воздушные поцелуи и пребывающей в радостном волнении перед сегодняшним вечером и возможностью наконец-то применить свою магию.

Тристан взял меня за руку и заверил, что произошедшее было к лучшему. Его прикосновение вызывало отвращение, но я не отстранилась, даже когда он заявил мне, что Джулс представляла опасность и ее арест обеспечивал безопасность мне и всем остальным. И я не оттолкнула его, когда он продолжил рассказывать мне о том, что маги, обладающие вороком предвидения, сходили с ума, а их сознание деградировало до жестокости, которая приводила к приступам слепого гнева. И когда он сказал, что понимает, насколько мне сейчас больно, но все это ради моей же собственной защиты, и что потом все будет хорошо, я впала в шок, оцепенела от ужаса и позволила ему ранить меня каждым ядовитым словом.

– Леди Мира Батавия, Престолонаследница Аркасвы, Верховного лорда Бамарии.

Я затаила дыхание, когда Мира поднялась в Обитель, снимая свой балахон. Капли крови упали в чашу с водой, прозвучала клятва, и появился посох. Дерево солнца и луны поблескивало под прогоревшими углями, открывая имя, вырезанное на древке. Мира опустила глаза. Я проследила за ее взглядом туда, где посох Джулс так и оставался лежать. Нетронутый.

Над головой Миры запульсировал золотой свет, расходясь яркими лучами и озаряя ее тело. Диадема на лбу, незамысловатый маленький золотой ободок, указывавший на ее статус, засиял, как маяк. Мира открыла рот точно так же, как Джулс, когда у нее начались видения.

Моргана вцепилась пальцами в мою руку, но меня уже трясло.

«Ради Богов, пожалуйста!»

Лицо Миры неестественно застыло, и на нем появилось какое-то неловкое выражение. Одна бровь странно приподнялась. Каждый ее вдох и каждое движение руки выглядели резкими и неестественными. Покачиваясь, она сделала шаг вперед и подняла посох. Во все стороны посыпались яркие голубые искры. Довольно простая демонстрация магии и не слишком впечатляющая для Наследника. При обычных обстоятельствах это посчиталось бы позорным, но в тот момент было облегчением. Мира вернулась на свое место, все так же резко и странно двигаясь.

Наместник снова медленно приблизился к помосту, ступив одной ногой в кожаной сандали на нижнюю платформу Обители. Вечное пламя, потрескивая, переливалось буйством красок. Губы Наместника слегка изогнулись, и на лице промелькнуло подозрение, я почувствовала это. Он медленно постукивал по щеке указательным пальцем, сосредоточенно и настороженно наблюдая за происходящим своим хищным взглядом. Но Мира не обладала вороком. И хотя Наместник являлся племянником Императора, даже он не осмелился бы арестовать прямого Наследника без достаточных доказательств.

Церемония закончилась, и Маркан появился рядом со мной, пожелав Тристану доброй ночи, тем самым дав понять, что он свободен. Что-то явно происходило, но Маркан ничего не говорил. Рядом с его ухом сверкнул голубой камень – вадати. Маркан получал приказы. От Тристана намеренно хотели избавиться, чтобы мы могли спасти Джулс? Породитель ублюдков не мог далеко уйти. Мое сердце радостно забилося.

Тристан выглядел разочарованным.

– Я думал, мы могли бы... провести больше времени вместе, и если ты нуждаешься в утешении... – его голос звучал заигрывающим, как будто сегодня ничего не случилось и мне было что праздновать.

– Прости, – ответила я. – Я забыла о нашей сегодняшней семейной встрече в честь Миры и принятия ею своего титула. Ты же знаешь, она терпеть не может шумиху. – Эта ложь возникла из ниоткуда, как и сила в моем голосе. – Я пришлю тебе завтра весточку. Спокойной ночи, Тристан. – Я протянула ему руку для поцелуя.

Его рот казался отвратительно слюнявым, когда он коснулся моей кожи, и я непроизвольно дернула пальцами. Неужели это были те же самые губы, поцелуев которых я жаждала в начале вечера? Те, к которым припала в тени внешней ниши храма?

Мгновение спустя я оказалась с Марканом в коридорах красного луча и вытерла руку о платье, избавляясь от неприятного ощущения, оставленного поцелуем Тристана.

Мы завернули за угол и оказались именно там, куда Породитель ублюдков увел Джулс.

– Маркан, мы ведь найдем Джулс? – слова прозвучали хрипло, потому что во рту у меня все пересохло.

– Мы летим в Крестхейвен, ваша светлость. Ваш отец велел немедленно вернуть вас и ваших сестер.

– Нет. – У меня засосало под ложечкой. – А как же Джулс? – Я взглянула на его камень вадати, который сейчас был белым и прозрачным.

– Я защищаю вас, ваша светлость, а не проклятого ворока, – мрачно ответил он.

– Ворок! Джулс – моя двоюродная сестра и твоя леди, ты, эгоистичный выродок грифона! Ты сейчас же поможешь мне ее вернуть! Или ответишь жизнью перед своим Аркасвой.

– Простите меня, ваша светлость. Я подчиняюсь своему Аркаспе.

Я повернулась и побежала, так быстро, как только могла. Сандалии Маркана зашлепали по каменному полу позади меня. Я сорвала с себя диадему и швырнула в него, но Маркан догнал меня в считанные секунды и, схватив сзади, взвалил себе на плечи. Я кричала и била его кулаками по спине, извивалась, пытаюсь вырваться, но он был каменной стеной мощных мышц. Маркан вышел на улицу к ожидавшему нас серафиму, дверцы экипажа уже были открыты.

Я не могла позволить ему увезти меня отсюда, от Джулс. Если бы мне удалось сбежать, я смогла бы ее найти.

– Маркан! Стой! Я приказываю тебе отпустить меня! Сейчас же!

– Ваш отец отдал приказ первым. – Маркан вытащил из кармана на поясе золотистую салфетку.

– Нет! – Я брыкалась, отбиваясь от него. – Нам нужно найти Джулс. Маркан!

Но Маркан закончил с разговорами. Он закрыл мне нос и рот салфеткой, и ее запах лишил меня сил.

– Нет, нет, перестань... – Я погрузилась во тьму.

Когда пришла в себя, перед глазами все еще стояла пелена, а в голове стучало. Я находилась в Престольном зале, где обычно заседал Совет и принимал государственные решения. Мои запястья были привязаны к стулу веревками, созданными из чистого света. Испытывая головокружение, я обернулась и обнаружила, что Мира и Моргана связаны рядом со мной.

Моргана смотрела прямо перед собой, ее тело было натянуто, как струна. Мира внимательно наблюдала за мной. Ее обычно идеальные волосы растрепались, а на лице застыло дикое выражение.

Вошел мой отец и, прихрамывая, направился к своему Престолу. Его энергия иссякла, а аура клубилась тьмой. Он указал своим посохом на маленький приставной столик. На гладкой поверхности появился кинжал.

– Отец, – позвала я, вцепившись в свое кресло. – Что происходит? Где Джулс?

Он схватился за рукоять кинжала, направляя на него свой посох, пока лезвие не почернело, как оникс, сверкающий серебряными искрами. Кинжал тихо зазвенел, когда отец вложил свой посох в кожух. Веревки на моих запястьях исчезли и снова появились на талии. Отец приблизился ко мне, направляя лезвие прямо мне в сердце.

– Вытяните свои запястья. Сейчас вы все трое принесете мне клятву.

– Клятву о чем? – потребовала я. – Отец! Хватит! Ты меня пугаешь.

– Лир, делай, как тебе велят, – произнесла Мира. В ее словах послышался скрытый приказ, а в ауре появилась новая, словно бьющееся стекло или проливной дождь, сила, которой я раньше не чувствовала.

– Я не понимаю. Что за клятва? – всхлипнула я.

– Мира обладает вороком, – ответил отец. – Как и Джулс. – Его голос сорвался на ее имени.

Я покачнулась на месте, вцепившись руками в края стула.

– Престол Аркасвы располагается в пределах магических границ, защищающих церемонию, – тихо продолжил отец. – С Джулс... было слишком поздно. Мне пришлось сделать выбор. Я выбрал Миру, взял под контроль ее тело и, чтобы скрыть ее магию, использовал свою собственную. Если кто-нибудь узнает, что она обладает вороком, узнает, что я вмешался в церемонию Обретения, нам конец. Мы умрем, как Ка Азрия.

– Ка Азрия? – спросила я, почувствовав тошноту. – Я-я не понимаю.

Его взгляд метался между нами.

– Вы знаете, что с ними случилось. Но знаете ли вы, почему все в Ка Азрии были убиты?

Ка Азрия. Жуткая история, страшилка у костра, которой пугали детей из благородных семей. Ка Азрия были могущественными, богатыми и любимыми народом Элирии, соседней страны Люмерианской империи. Но однажды всех их убили. По приказу Императора. Я перебрала в голове всю информацию и осознала, что знала только об их казни. Это произошло еще до моего рождения. Мне ни разу не пришлось спросить, почему Император приказал их убить. Я выросла на этой истории и никогда не подвергала ее сомнению. Никогда не спрашивала о причинах. В этом не было необходимости. Холодок пробежал по спине, а желудок скрутило. Внезапно я все поняла.

Отец подтвердил мои мысли.

– Наследница Ка Азрии обладала вороком. Они думали, что смогут сохранить это в секрете, обеспечить ее безопасность. Но допустили серьезную ошибку. В их крепости слишком многие знали, слишком многих заставили поклясться в молчании. Их предали. Мы не повторим их ошибок. Никто больше не узнает. Никто из нашего Ка, нашей родни и даже ни один охранник, состоящий у нас на службе. Ставки слишком высоки. Мы четверо сохраним это в секрете. И мы четверо унесем этот секрет с собой в могилу. Поклянитесь в этом. Протяните руки. Сейчас же!

Слезы текли по моему лицу, и я подняла левую руку, обнажив бледную, нежную кожу запястья, на котором никогда не было ни царапины. Кожа человека благородных кровей. Я придержала свою дрожащую руку другой рукой, страшась неминуемой боли и всего, что за этим последует. Отец полоснул меня по запястью быстро и резко, как змея, атаковавшая свою добычу.

– А теперь произнеси клятву, – велел он. – Поклянись.

– Ani dhara me sha el lyrotz, – пробормотала я дрожащим голосом. В этих словах жила древняя магия, которая будет удерживать меня. Которая накажет меня, если я когда-нибудь нарушу свою клятву.

«Я клянусь тебе своей кровью».

Я закрыла глаза, когда магия просочилась в запястье, кровь капала на платье, и каждая капля ощущалась как смертный приговор. Это была сделка. Принесла клятву, оставляя все позади, я отрекалась и от Джулс и понимала, что больше никогда ее не увижу.

В обмен на это я могла сохранить сестру.

«Мы четверо сохраним этот секрет».

Я зажала рану и закрыла глаза.

«Мы вчетвером унесем этот секрет в могилу».

Второй свиток. Черный серафим

Глава 2

Два года спустя

Пепельные волосы Миры разметались по ее лицу, и лишь один карий глаз выглядывал из-под растрепанных прядей. Зашипев, она бросилась вперед, полоснув мое запястье обкусанными ногтями, похожими на острые когти. Я вскрикнула, почувствовав жгучую боль. Теперь у меня было два шрама, две клятвы на крови, скрытые под татуировкой.

В прошлом году Моргане исполнилось девятнадцать, и она приняла участие в церемонии Обретения. Тот вечер тоже не принес ничего хорошего.

– Мира. Мира! Очнись. Перестань, это же я, Лир.

Я повалила ее на пол, намереваясь упасть на кучу подушек, придавила ее ногами, но она дернула бедрами и сбросила меня с себя. Я отлетела назад и сильно ударилась спиной об пол. Прежде чем успела отползти, она набросилась на меня, наполненная пугающей силой. Ее видения имели собственную мощь, придавая ей выносливость сотуриона.

Она расцарапала мне спину до крови, и я выругалась, но не столько от боли, сколько на себя за то, что забыла подпилить ей ногти. В первый год после того, как мы узнали о ее вороке, она была не такой. Было тяжело, но она все равно следила за собой. А за последние несколько месяцев что-то изменилось. Ее приступы стали длиться дольше и проходить более буйно. Мира почти не спала и не мылась. В последнее время она выглядела прилично только благодаря мне. Я взяла на себя уход за ее телом и волосами. Но меня так поглотили мысли о предстоящей церемонии Обретения, что я забыла подстричь ей ногти.

Сделав глубокий вдох, я собрала последние силы, перевернула Миру на спину и села сверху, обхватив ногами ее талию и прижав ее руки к полу, чтобы она не смогла ударить меня. Мира была худой и хрупкой на вид, но ее видения придавали ей силу воина, с которой я едва могла сравниться.

Она забилась подо мной, истошно крича, и у нее из носа хлынула кровь. Яркий свет засиял вокруг ее ауры, ослепляя, и я снова почувствовала, будто стекло разбивается вдребезги и разлетается на тысячу заостренных осколков. Ее веки затрепетали, обнажив белки глаз, когда она ударилась черепом об пол.

– Ради Богов! – Я ухватила ее голову, чтобы она не смогла еще больше навредить себе. – Мира? Мира!

Ее глаза закрылись, и она успокоилась, как будто заснув. Через минуту она проснулась, глядя сквозь меня тусклыми и пустыми глазами, словно никого рядом не видела. Наконец, когда ее взгляд сфокусировался, по щекам потекли слезы.

Я опустила ее на колени, подавляя сильную дрожь. С каждым разом чувство облегчения, когда ее видения заканчивались, угнетало меня все сильнее.

– С тобой все в порядке?

Мира подтянула к груди свои костлявые колени. Ее слезы смешались с кровью из носа. Я откинула ее волосы назад и укрыла одеялом. Дрожа, она вцепилась в него и натянула на плечи. Холод в ее ауре достиг меня, опалая своей ледяной силой. Я достала второе одеяло и потеряла руки, чтобы согреться. День был достаточно жарким, чтобы косметика на лице потекла, но

видения заставляли ее и всех, кто находился поблизости, чуть ли не покрываться льдом от холода.

Быстро, пока она не заметила, я склонилась над ее столом и записала продолжительность, симптомы и интенсивность видения на клочке пергамента, который всегда носила с собой. Я просмотрела предыдущие записи. К счастью, это было не самое длительное ее видение. Но самое мощное. Раньше кровь из носа никогда не текла так сильно. Может, мне стоило придумать новый рецепт чая, который я ей готовила? На какое-то время он облегчал ее симптомы, но теперь...

– Лир? Что ты...

Я свернула пергамент и засунула его за манжету. Браслет, выполненный в форме золотых перьев птицы серафим, хранил секреты Миры и никогда не покидал моей руки.

– Хочешь поговорить об этом? – Я открыла гардероб в поисках носков.

Она замотала головой.

Шкаф Миры был почти пустым. Я напонила себе, что в эти выходные нужно еще раз постирать ее одежду. На следующее утро после клятвы отец уволил всю прислугу верхних этажей. Остались только сотури, которым он приказал не покидать первый уровень, и наши повара. Нам приходилось самим стирать, убирать, принимать ванну, причесываться – немислимый список обязанностей для дам нашего положения. Чтобы возместить то, чего мы лишились, чтобы казаться нормальными и гарантированно всегда оставаться вне подозрений, я стала экспертом во всем. Научилась шить, стричь волосы, готовить наряды и помогать их надевать, следить за чистотой – я все это делала, и у меня отлично получалось. Я должна была. Один неверный шаг, одна плохо уложенная прическа, одно плохо сидящее платье, и вся страна стала бы сплетничать и искать ответы на вопросы, которые мы не могли позволить задавать.

Я порылась в полотенцах и пижамах, прежде чем нашла шерстяную пару носков, зарытую в углу. Быстро понюхав и убедившись, что носки чистые, натянула их на ноги сестры, затем намочила полотенце в раковине и осторожно вытерла кровь с ее рук и лица.

Мира вздохнула, пытаясь сесть.

– Лир, я... Мне очень жаль.

Она вздрогнула, когда полотенце коснулось свежего пореза, и зашипела сквозь сжатые зубы. Я бросила полотенце в переполненную корзину для белья, затем натянула одеяло ей на плечи.

– Это не твоя вина.

– Я знаю, но... – Она уставилась на меня широко раскрытыми глазами. – Лир, я сделала тебе больно? – Ее голос звучал так слабо, словно у ребенка, отчего я почувствовала себя старшей сестрой.

Я повернулась, машинально прикрыв от нее кровоточащую руку, и покачала головой. Мне придется спрятать эту рану под браслетом. Я уже создала коллекцию украшений для тела, чтобы скрывать от посторонних глаз всевозможные порезы и синяки.

– Нет. Нет, ничего такого. Я в порядке. Как ты себя чувствуешь? Тебе что-нибудь нужно? Воды? Чаю?

Я порылась в ящике стола и нашла порцию лунного масла, которое сама изготовила. Я обнаружила этот рецепт в древнем свитке, когда пыталась найти средство для лечения видений. Оно облегчало боль после эпизодов, и для его изготовления, к счастью, не требовалась магия, иначе у меня никогда не вышло бы его приготовить. Я протянула ей масло, подумав, не добавить ли его немного в тоник, который она принимала каждый вечер, но Мира покачала головой.

– Нет, пока не надо. Лир, я... – Ее взгляд сфокусировался, и на мгновение я подумала, что она собирается рассказать мне о том, что видела, поделиться со мной своими видениями, как делала раньше.

Но тут распахнулась дверь, и в комнату влетела Моргана. Ее мрачная, темная аура, подобная грозовой туче, смешалась с энергией Миры. Черные волосы Морганы были такими же непослушными, как у Миры, а кожа казалась почти белой. Черная и необузданная, словно буря, аура Морганы неизменно пульсировала с того самого момента, когда, проходя церемонию Обретения, она обнаружила, что тоже обладает вороком – чтением мыслей. Когда у Миры случались видения, у Морганы не было другого выбора, кроме как тоже чувствовать и переживать их, что удваивало ее страдания.

Я коснулась запястья, обводя пальцами два неровных шрама – клятвы на крови. Одна для ворока Миры. Вторая – для Морганы.

– Моргс. – Мира потянулась к Моргане, игнорируя меня. – Это было ужасно. Я видела...

– Я знаю, – ответила Моргана. – Я тоже это видела.

Закусив губу, я откинулась на спинку стула, пока мои старшие сестры обнимались и, утешая друг друга, разговаривали приглушенным шепотом. Они делились друг с другом секретом, в который меня не посвятили. Я понимала, что они не хотели еще больше обременять меня, что хотели защитить. Но это я, а не Моргана, вытасила Миру из ее видений. Это я стирала ее одежду, подстригала ногти, расчесывала волосы и день за днем ухаживала за ней, пока она становилась все слабее. Я заваривала ей чай с тоником, готовила лунное масло и следила за приступами, пока Моргана отлеживалась в постели с мучительными головными болями, которые начались в тот самый вечер после ее церемонии Обретения.

Я прекрасно понимала, что Моргану изнурял ее собственный ворок, что мысли каждого находящегося поблизости человека кричали у нее в голове, сводя ее с ума. Но все же. Именно я постоянно летала в Гавань Ученых и просматривала каждый свиток о способностях и силе ворока, который могла найти, молясь наткнуться на ответы, узнать какую-нибудь полезную информацию. Я даже упростила Ученых предоставить мне доступ к засекреченным свиткам Великой библиотеки и спускалась в тайные хранилища глубоко под землю, чтобы прочитать их священные тексты. Я проводила свои дни в пирамидах библиотеки, заваленная древними свитками, которые были написаны тысячи лет назад в Люмерии Матавии, и смотреть на них можно было только через стекло. Чтобы читать эти древние писания, я научилась бегло переводить с древнего люмерианского. Ночи напролет я беседовала в Мусейоне с философами и изобретателями, пытаясь найти что-то более эффективное, чем простые тоники и масла, которые уменьшали силу ворока.

Вместо того чтобы веселиться, как молодая благородная леди, у которой было право и богатство позволить себе все прелести жизни бамарского общества, я стирала белье своих сестер. А в это время мой парень и мои друзья танцевали, пили и развлекались на вечеринках.

Сестры не могут защитить меня от всех невзгод, и я устала, что они прикрываются этим, скрывая от меня видения Миры.

– Как ты себя чувствуешь? – Моргана заправила волосы Миры за уши. – Нет, я знаю, все в порядке. Что? Нет, нет, Мир, прекрати. Все это не имеет значения. Все будет хорошо. Вот увидишь.

Односторонний разговор продолжался, пока Моргана читала мысли Миры, отвечая на ее вопросы прежде, чем та успевала задать их вслух, и успокаивая ее, в чем моя сестра нуждалась, но не могла выразить словами.

Раньше Мира мне доверяла. Но с тех пор, как год назад у Морганы проявился ворок, меня постоянно оставляли в стороне. Хотя, если быть честной, с тех пор, как умерла Джулс, я чувствовала себя оторванной от жизни. Мы были такой дружной четверкой, никогда не расставались, всегда смеялись и строили проказы. А теперь... я была потеряна.

– Мира, нет, – возразила Моргана. – Нет. Мы счастливы позаботиться о тебе.

Я сжала руки в кулаки. Мы?

Моргана резко повернула голову в мою сторону, раздув от негодования ноздри.

«Лир, ты не жертва!» – Я практически услышала слова Морганы, как будто могла читать ее мысли.

– Почти, – усмехнулась она. – Ты не уловила ругательство в конце. – Моргана взяла Миру за руку. – Нет, Мир. Не надо так думать. Нет, с Лир все в порядке. Она просто слегка драматизирует.

Едва сдержавшись, чтобы не огрызнуться, я швырнула окровавленные полотенца в переполненную корзину для белья и снова почувствовала угрызения совести и одновременно приступ гнева. Мне следовало заняться стиркой вещей Миры, но сегодня у меня день рождения. Праздник в честь Ориэла. Сегодня мне предстояло принять участие в церемонии Обретения.

Я потянулась за другим полотенцем, лежавшим на полу, но, прежде чем успела его поднять, оно само по себе взлетело в воздух и медленно приземлилось в корзину для белья. Шкаф Миры открылся, и еще одно одеяло, лежавшее на верхней полке, до которой я не могла дотянуться, развернулось и, проплыв по воздуху, накрыло моих сестер.

Отлично. Просто замечательно. Раз Моргана собиралась гонять по воздуху полотенца и одеяла, а Мира не хотела со мной разговаривать, очевидно, во мне тут больше не нуждались.

– Я собираюсь на праздник, – заявила я. Мне нужно было сбежать от сестер. Подальше от всего.

– Маркан будет в восторге. Он ненавидит праздники и все виды развлечений, – сказала Моргана, неспешно зачехляя свой посох.

Я отвела взгляд, пытаясь очистить свои мысли, но Моргана уловила суть.

– Ты ведь берешь его с собой? – спросила она.

«Нет! Я хочу, чтобы меня оставили в покое». Заметив охрану моего отца, люди сразу поймут, что среди них присутствует Наследник. Я не нуждалась и не желала дополнительного внимания. Мне сполна хватило сегодня. Я просто хотела свободы, хотела чувствовать себя нормальным человеком. Возможно, даже немного отпраздновать свой день рождения. Мне надоело бояться каждого своего шага. И я определенно не собиралась брать с собой Маркана. Никогда не прощу ему того, что он одурманил меня и помешал найти Джулс. И плевать, действовал он по приказу моего отца или нет.

– Лир, отец сказал не ходить сегодня, – напомнила Моргана.

– Отец каждый день это говорит, – фыркнула я.

– Сегодня все по-другому, – вздохнула Моргана. – Все по-прежнему сосредоточены на нападении. Напряженность высока...

А когда было по-другому?

– Инцидент на границе произошел неделю назад. Но сегодня... сегодня мой день рождения. На случай, если ты забыла.

– Конечно мы не забыли.

Моргана закатила свои темные глаза и продолжила успокаивать Миру. Черты ее лица смягчились, и я поняла, что она почувствовала себя неловко из-за того, что накричала на меня. По правде говоря, они с Мирой удивили меня за завтраком подарками и помогли повару приготовить все мои любимые блюда. Моргана даже застелила мою постель – по крайней мере, постаралась.

– Раз уж ты настаиваешь на том, чтобы ехать без сопровождения, как упрямая идиотка, коей и являешься, по крайней мере, поезжай в паланкине. – Она нахмурилась, а на губах появилась ухмылка. – Хотя забудь об этом.

– О чем забыть? – Я свирепо уставилась на нее. – Черт побери, Моргана. Перестань читать мои мысли!

– Надо было сказать, что ты идешь с Тристаном. Мы все знаем, что лорд Тристан Грей никогда не опустится до того, чтобы разгуливать по улицам, как простолудин, – фыркнула

Моргана. – И, конечно же, у него будет своя собственная толпа охраны. Только постарайся не устраивать никаких дебошей до сегодняшнего вечера.

Я хлопнула дверью и вернулась в свою комнату, чтобы обработать раны и добавить несколько тщательно подобранных браслетов, которые скроют новые порезы и синяки. Я уложила свои длинные волосы крупными волнами так, чтобы они прикрывали исцарапанную спину, надела платье и попросила Тристана встретить меня.

Когда пришло время, я накинула черный плащ с капюшоном и поспешила по длинным извилистым коридорам Крестхейвена, затем вниз по парадной лестнице в Парадный холл. Наступил полдень, и солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь витражные окна, рассыпались калейдоскопом красок на бело-золотистом мраморном полу. Холл украшали колонны с затейливыми узорами, демонстрируя портреты и деяния моих предков, Аркасвимов, которые правили в течение уже тысячи лет.

Я как раз собиралась улизнуть, когда наткнулась на тетю Арианну. На ней было платье цвета морской волны, которое скреплялось на одном плече золотыми крыльями серафима, изготовленными на заказ в стиле нашего сцигла, фамильного символа.

– Лириана, с днем рождения. – Арианна крепко обняла меня, откинув ловкими пальцами капюшон с моей головы. Легкая улыбка коснулась ее губ. – Убегаешь тайком?

– Конечно нет. – Я постаралась успокоиться.

Она дернула за складку моего плаща.

– Находиться снаружи – все равно что оказаться на поверхности солнца. И, если я не ошибаюсь в последних модных тенденциях этого лета, предположила бы, что ты пыталась спрятаться. – Она накрутила на указательный палец прядь моих волос, которые на солнце отливали ярким огненно-рыжим цветом. Тетя улыбнулась и убрала руку.

Я поправила капюшон, отчего мои длинные волосы рассыпались по плечам. В помещении или ночью они едва ли привлекали внимание, но под солнцем, словно маяк, притягивали ко мне многочисленные взгляды. Их цвет был подобен ауре, возвещающей о моем присутствии.

– Дорогая, я знаю, ты против охраны, но они действительно обеспечивают твою безопасность. Ради меня возьми хотя бы одного? За стенами крепости опасно. – Арианна задумчиво провела рукой по моим распущенным волосам. – Глядя на тебя, я вижу свою сестру и вспоминаю свои юные годы. Ты так похожа на Марианну, На Ка Мокан.

– Душа ее свободна, – прошептала я.

Я уже тысячу раз это слышала. У меня были огненно-рыжие волосы, как и у мамы, но только на солнце они прямо пылали красным, как Батавия. В остальное время они оставались темно-каштановыми, почти такими же темными, как у Морганы. Я видела портреты Арианны в моем возрасте. Ее волосы тоже были ярко-рыжими, и хотя она всегда говорила, что я похожа на свою мать, мне казалось, что в детстве я выглядела идентично тете.

Арианна вздохнула, и ее лицо приняло серьезное выражение.

– Ты нервничаешь?

– Нет.

– Врунишка, – усмехнулась она. – Я говорила твоей бабушке, душа ее свободна, то же самое. Не переживай. Нария тоже себе места не находит. Думаю, бедное дитя глаз не сомкнула прошлой ночью.

– На Ка Мокан, – быстро пробормотала я в честь бабушки и решила не достаивать вниманием состояние Нарии. Я любила тетю Арианну, но мне было наплевать на чувства своей двоюродной сестры.

Двери в Крестхейвен открылись, заливая Парадный холл светом.

Сотурион Юстон и сотурион Родос, которые никогда не отлучались от своего поста, отступили назад, явив нашему взору его высочество Наместника Эйвери Кормака, Верхов-

ного лорда Кортерии, и командующего его армией Арктуриона Уорина Кормака, Породителя ублюдков.

Ужас сдавил грудь, и стало тяжело дышать. Казалось, будто невидимая веревка туго обви-лась вокруг талии, и я потеряла самообладание. Нахлынули воспоминания двухлетней давности: я нахожусь в храме, громко потрескивает вечный огонь, его свет переливается сотней разных цветов; Наместник поднимается в Обитель Ориэла и приказывает арестовать Джулс; Породитель ублюдков уносит ее прочь; Джулс беспомощно висит у него на плече, его гадкие руки на ее теле; в ушах стоит звон ее истошных криков.

Огромная волна накрыла меня с головой, утягивая ко дну и угрожая утопить, но тут я моргнула и увидела, что по-прежнему стою в Парадном холле. Потолок опустился... а затем все встало на свои места. Я втянула в себя воздух.

– Ваше высочество, Наместник Кормак, – Арианна почтительно склонила голову.

Его черные глаза метнулись ко мне, и, испытывая легкую неуверенность, я тоже склонила голову.

Наместник шагнул вперед, полы его черной мантии всколыхнулись, открыв кожаные сандалии. Его одеяния были расшиты золотом по краям. Серебряные доспехи на груди напоминали волчью шкуру, центр которой украшала эмблема Ка Кормака в виде рычащего волка.

Породитель ублюдков подошел следом. Его красная накидка арктуриона лежала складками вокруг талии, а ее конец был перекинут через плечо и скрыт свисавшей со спины волчьей шкурой с головой. Раскрытая пасть обнажала острые клыки, а глаза безжизненно смотрели в потолок. Волчья голова гротескно покачивалась с каждым шагом военачальника.

– Леди Арианна. – Наместник Кормак поцеловал руку моей тете, затем повернулся и поклонился мне. – Леди Лириана Батавия, наследница Аркасвы, Верховного лорда Бамарии. Ваша светлость.

– Ваше высочество, – выдавила я, чувствуя, как внутренне сжимаюсь от его внимания, но продолжила стоять, гордо расправив плечи. Я не могла позволить ему запугать себя. Только не в моей собственной стране, не в моем собственном доме. Он не принадлежал к Ка Батавии, пусть даже золотая кайма на его одежде давала ему право находиться здесь.

– Мои поздравления с днем рождения, – сказал он. – Я слышал, что родиться в день праздника Ориэла либо к большой удаче, либо к величайшему несчастью. Надеюсь, в вашем случае это первое. – Он сделал паузу, оглядывая меня с ног до головы. – Ваша светлость, не возражаете, если я скажу, что вы поистине превратились в молодую женщину? – Он провел руками по воздуху, обводя линии моих изгибов.

Я с отвращением отступила назад и могла поклясться, что услышала, как Породитель ублюдков прошептал «ашера».

Арианна, как всегда, оставалась невозмутимой и вежливо улыбалась незваным гостям. Неужели она не заметила оскорбления? Или просто старалась сохранить мир? Я подумала, не бросить ли в ответ свирепый взгляд, но быстро пресекла эту идею. Я знала, какой сегодня день и что поставлено на карту. Поэтому, натянуто улыбнувшись, вспомнила старую поговорку: «Не буди лихо, пока оно тихо». Сейчас передо мной стояли два хищника с холмов Кортерии, и оба были начеку, поэтому рисковать не стоило.

– Аркасва Батавия ждет вас в Престольном зале, – сказала моя тетья. – Я сейчас к вам присоединюсь.

Наместник Кормак поклонился, и его светлые волосы длиной до подбородка упали ему на лицо, а Породитель ублюдков двинулся вперед, задержав на мне взгляд своих водянистых глаз.

Как только звук их шагов затих, я резко повернулась к Арианне.

– Что они здесь делают? С каких это пор Ка Кормака приглашают присутствовать на заседаниях закрытого Совета Бамарии?

– Говори тише, – прошипела тетья, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что мы одни. Она положила руки мне на плечи, подталкивая меня назад, за колонну. – Конечно, их никогда не пригласили бы на Совет. Они приехали на совещание по вопросам безопасности. В связи с недавними событиями Сенат пожелал пересмотреть наши планы относительно процедур по защите границ во время университетской сессии. Сам Император дал на это отмашку.

У меня засосало под ложечкой. Конечно, он это сделал, ведь Наместник был племянником Императора.

– Но мы же в Бамарии. Это проблема бамарийцев.

Она покачала головой.

– Сегодня студенты прибывают из всех южных стран империи, и, хотя они зачислены в Университет Бамарии, потребности в их защите не ограничиваются лишь Сотури Ка Батавии. Пока наши двери открыты для студентов со всей империи, проблема важнее нас самих. И как Магистр образования я естественно не могла отказаться от присутствия на совещании по вопросам безопасности студентов, которое проводится по настоянию Сената.

– Мы же не допустим, чтобы еще больше сотури Ка Кормака прибыло в Бамарию?

Несколько лет назад они получили разрешение охранять университет и Уртавию, город, окружающий его. Ни одна другая страна не допускала, чтобы на их территории находились вооруженные иностранные сотури. Но с тех пор, как отец пришел к власти, нам приходилось это терпеть. Всю свою жизнь с возрастающим ужасом я наблюдала, как росло присутствие Ка Кормака. Год за годом прибывало все больше их солдат под предлогом обеспечения безопасности студентов.

– Я должна присутствовать на встрече, чтобы это выяснить, – ответила она. – После недавнего нападения люмерианцы боятся отправлять сюда своих детей. Твой отец должен выглядеть достаточно могущественным, чтобы защитить их.

– Он должен выглядеть достаточно могущественным? А кто считает его слабым? – Я прикусила губу.

Арианна раздраженно раздула ноздри. Мы обе знали правду: многие считали его слабым. Семнадцать лет назад, когда он стал Аркасвой, вспыхнули беспорядки и протесты. Это был величайший скандал в стране – первый мужчина, когда-либо правивший Бамарией, первый мужчина, ставший Аркасвой Батавия. Никогда прежде страной не правил верховный лорд. Традиционно право правления всегда переходило к следующей женщине в роду Батавия, от матери к дочери или сестре. Власть не передавалась от жены к мужу. Но Мире было всего четыре года, когда умерла моя мать. По традиции Престол Аркасвы должен был перейти к тете Арианне, но в своем завещании мама назвала престолонаследником отца.

Несмотря на все его усилия подавить беспорядки и опровергнуть слухи о подделке завещания и государственном перевороте у смертного одра моей матери, он потерпел неудачу. Во время его первого публичного выступления протесты вылились в нападение толпы обезумевших бамарийцев, жаждущих его крови. Он удвоил усилия сотури по борьбе с беспорядками в Уртавии. Но его хромота напоминала всем о том, что произошло. Обвинения в узурпаторстве продолжали преследовать его, даже когда он объявил Миру престолонаследницей и согласился сложить полномочия, как только она закончит учебу.

– Наши границы не подвергались нападениям уже много лет, – сказала Арианна. – Бамария сильна. Мы победили монстра. Люди знают это, но им нужно напомнить. Они должны продолжать верить.

Я сглотнула. Должны продолжать верить. Этот урок Арианна заставила меня усвоить, когда забрали Джулс, и старалась ради этого каждый день с тех пор. Я стала совершенной наследницей Аркасвы. Всегда одевалась по последней моде, внимательно слушала молитвы в храме, получала отличные оценки и говорила правильные вещи в нужное время. Я рассказывала остроумные анекдоты, грациознее всех исполняла танцы воды и всегда выглядела опрятно

и собранно. Если Мира была застенчивой и хрупкой, то я была смелой и сильной. Если Моргана слишком много пила и спала с кем попало, я оставалась непорочной, добродетельной леди рядом с сильным и красивым лордом Тристаном. Я подавляла слухи, скрывала оплошности и танцевала дни и ночи напролет, чтобы все смотрели на меня, а не на моих сестер. Я больше не могла терять людей, которых любила.

Я пыталась проанализировать то, что сейчас происходило с нашими границами. Увеличившееся количество сотури, возможно, заставило бы людей чувствовать себя в безопасности после нападения, если бы сотури представляли Ка Батавию. Но полагаться на сотури из другой страны, лояльных иностранному Ка и Аркасве... Разве это не выставило нас слабыми?

Арианна разгладила мой плащ.

– Будь осторожна там сегодня. – Она сжала мое плечо. – Мира и Моргана не идут с тобой? – Это был не просто вопрос, в ее голосе послышался какой-то намек, скрытое подозрение.

– Я встречаюсь с Тристаном, а у них другие планы.

Кожа зазудела, шрамы, оставленные клятвами, внезапно начало покалывать. Я обхватила рукой запястье, хотя знала, что тетя не могла их видеть. Через неделю после того, как моя рука перестала гореть, мы с Мирой и Морганой поехали в Уртавию, чтобы набить поверх шрамов татуировки. Если бы кто-нибудь все равно заметил, что кожа безвозвратно изуродована, я могла бы свалить вину на татуировщика. Мира набила солнце, Моргана – фазы Луны. Я выбрала Валалумир с символом Ка Батавии внутри семиконечной звезды. Когда в следующем году проявился ворок Морганы и мое запястье изуродовал еще один шрам, я добавила с обеих сторон от первой татуировки звезды поменьше, протянув их от локтя до запястья.

Арианна кивнула, быстро и крепко обняв меня.

– Увидимся вечером, моя дорогая.

Двери распахнулись, и она помахала рукой, направляясь дальше по коридору. Я почувствовала знакомый укол вины. Я столько раз хотела рассказать ей о Мире и Моргане, чтобы ввести ее в наш круг и найти у нее утешения и совета.

Татуировки под моей ладонью казались воспаленными и раздраженными. Клятва, данная кровью, почувствовала мое желание нарушить обещание, предупреждая меня о последствиях, если я проговорюсь. В голове всплыли слова отца о Ка Азрии, сказанные им в ту первую ночь.

«Они допустили очень серьезную ошибку. Слишком многие знали».

Мы должны были рассказать Арианне, должны были заставить ее поклясться. Но с каждой вновь произнесенной клятвой ее сила ослабевала. «Мы четверо храним это в секрете. Мы вчетвером унесем ее в могилу».

Я прошмыгнула мимо Юстона и Родоса, неподвижных, словно статуи, охраняющих двери Крестхейвена, и, отказавшись от охраны, направилась по стеклянному полу над водным каналом. Сотурион Маркан нахмурился и вышел из тени дерева, где стоял на страже. Я снова отмахнулась от него, показав непристойный жест. Он отступил, формально не имея возможности возразить мне, по крайней мере, мне нравилось так думать... Мы оба знали, что я всего лишь меняла свою личную охрану на охрану Тристана. В противном случае Маркан обратился бы к моему отцу, чтобы тот вмешался, или все равно последовал бы за мной. Гребанный ублюдок. Мориэл недоделанный.

Солнце стояло в зените, и под прозрачным стеклом в водном канале бурлили сверкающие голубые океанские волны. Я наблюдала за проносящимся мимо потоком, стараясь не отставать от него, пока не добралась до гавани серафимов.

Тристан, как всегда прекрасный, стоял и ждал меня в бирюзовой тунике с серебряным поясом, повязанным низко на бедрах. Его черные кожаные, отороченные серебряной нитью сандалии были зашнурованы до самых икр.

– А вот и моя именинница. Я уже собирался брать штурмом крепость, чтобы найти тебя. – Мгновенно его губы накрыли мои, и он провел руками вверх по моей спине, зарывшись пальцами в волосах. На секунду я застыла на месте, но затем поцеловала его в ответ. Последние два года я все медленнее реагировала на его прикосновения и ласки.

– Прости, я опоздала.

– Сегодня без охраны? – Тристан окинул взглядом мой черный плащ, по его мнению, из некачественного материала, а также мой лоб без золотой диадемы. Он покачал головой. – Лир, ты наследница Аркасвы. Нет ничего плохого в том, чтобы вести себя подобающе.

– Это когда Аркасва запрещает своим наследникам въезжать в город?

– Запрещает без охраны, – возразил он. – Просто возьми с собой одного, тогда не нужно будет прятаться. Я практически слышу, как Сотурион Маркан дуется. – Он скорчил надутую гримасу. – Из-за тебя у него почти нет обязанностей.

– Так проще, – ответила я. – Мне не нужно беспокоиться о дополнительном внимании.

Тристан притянул меня ближе.

– Почему тебя это так волнует? Лир, ты само совершенство. Во всех отношениях. Ты слишком сильно давишь на себя.

Я сглотнула. Тристан слишком хорошо знал меня, знал, как много я играла на публику, искала их одобрения. Он говорит, что у меня две маски: одна, которую я надеваю, когда исполняю роль леди Лирианы, а вторую ношу, когда являюсь просто Лир. Я всегда боялась, что он начнет понимать мою истинную мотивацию и подсознательные страхи, скрываемые за масками: что меня может ожидать судьба Ка Азрии, что мои сестры закончат так же, как Джулс, и прежде всего, что именно он выдаст нас.

– Гален и Халейка на празднике? – спросила я, меняя тему.

Халейка была двоюродной сестрой Тристана и моей хорошей подругой, как и Гален, который являлся членом Ка Сколар. Мы познакомились в школе, когда нам было пять лет, а Тристану восемь.

Тристан кивнул.

– Они уже давно ушли. – Он говорил тихо, его голос был полон интриги. – В последнее время они проводят вместе довольно много времени.

– Правда? – притворно удивилась я. – Ну, это... просто самая удивительная вещь на свете.

Все знали, что они нравятся друг другу, но слишком боятся признаться в своих чувствах, и мне как раз не хватало этих легкомысленных разговоров, чтобы отвлечься от своих сестер.

Тристан рассмеялся.

– Держу пари на три поцелуя, что Халейка уступит первой и расскажет ему о своих чувствах. Пять поцелуев, что это произойдет в этом месяце.

– Ты очень высокого мнения о своих поцелуях, – нахмурилась я.

Тристан игриво шлепнул меня по руке, а затем притянул к себе, чтобы поцеловать в щеку.

– Может, мне поспорить с тобой на что-нибудь покрупнее? – спросил он низким голосом, провел руками по моим изгибам и, ухватив за бедра, прижал к себе.

– Ты также очень высокого мнения о своем...

– Ш-ш-ш! – перебил он, целуя меня. – В любом случае, я ведь не сказал, где будут эти поцелуи.

Я заставила себя расслабиться, поддавшись его заигрываниям, и углубила поцелуй.

Тристан отстранился и рассмеялся, бросив взгляд мне за спину.

– Где Мира и Моргана? – Его карие глаза скользнули по водному каналу к Крестхейвену. Золотые и голубые камни крепости, сверкающие под солнцем, напоминали океанские волны. – Конечно же, они этого не пропустят. – В его голосе послышалось неодобрение. В последнее время он стал замечать, как редко они выходили в свет.

Почему мы не могли просто продолжить разговор о Халейке и Галене? Флиртовать и целоваться? Я так устала. Казалось, что уже в сотый раз за этот день я солгала ради них. С ними все в порядке. Появятся попозже. Скорее всего заняты каким-то сюрпризом для меня на день рождения. Не о чем беспокоиться.

Тристан прижал меня к себе, как будто я для него самое дорогое существо на свете. И тем не менее... если бы он узнал секрет Миры или Морганы, я не сомневалась, что он нас выдаст. Я знала, что он считает своим долгом сделать это. Тристан был преданным люмерианцем и беспощадным охотником на ворок.

Я сжала его руку.

– Серафим готов. Идем.

Тристан кивнул и махнул двум магам, которые являлись его личным сопровождением.

Огромная белая птица с золотым оперением на крыльях распласталась на земле перед нами. Привязанный к ее спине голубой экипаж, украшенный мозаикой, переливался на солнце. Я поднялась в экипаж вслед за Тристаном, его охрана последовала за мной и закрыла дверь.

Серафим поднялся с земли, отчего пол зашатался у меня под ногами, а в окна дунул порыв ветра. Птица взмахнула своими гигантскими крыльями, и ее золотые перья засверкали на солнце. Экипаж накренился, и мы тронулись в путь. Как только серафим воспарил над землей, Тристан закрыл окна и перегородки, обеспечив нам уединение. Он снова спросил о моих сестрах, о самочувствии Миры, поскольку на днях за ужином она выглядела довольно болезненной.

Я больше не могла этого выносить. Какая-то часть меня хотела заплакать. Во всем сознаться Тристану, чтобы он обнял меня, прижал к себе и сказал, что все будет хорошо. Мне хотелось, чтобы он знал правду и по-прежнему верил, что я совершенна и достойна его любви. Чтобы сказал, что мои сестры тоже достойны защиты и доброго отношения. Чтобы облегчил боль, вызванную ранами на моей коже, и смыл поцелуями порезы от ногтей Миры, синяки, покрывающие мою спину. Я устала перевязывать свои собственные раны. Мне надоело тайно смазывать свои синяки лечебными мазями, заботиться о себе только после того, как позабочусь обо всех остальных. Я устала подбирать платья и драгоценности, которые могут скрыть наши шрамы. Устала следить за тем, чтобы оставаться в темноте и частично одетой в наши с Тристаном интимные моменты. Я хотела рассказать ему свой секрет, и чтобы он пообещал, что защитит меня. Но не могла. Мы находились по разные стороны смертельных баррикад.

С Тристаном у меня всегда было два варианта. Лгать ему. Или отвлекать. Сегодня я выбрала отвлечение внимания, в котором и сама нуждалась.

Я забралась к нему на колени и прижалась к его губам. Как обычно, сначала я напряглась, вспомнив слова Тристана о том, что Джулис должна умереть. Это воспоминание всегда сдерживало меня, не позволяло отдаться ему до конца, хотя мы были близки к этому. Я заставила себя расслабиться и забыться в поцелуе.

– Эй, – произнес он, бросив взгляд на перегородку, скрывающую его сопровождающих. – С тобой все в порядке?

Я прикусила его нижнюю губу.

– К чему все эти слова?

Его дыхание участилось, и он прижался ко мне бедрами. Это сильно отличалось от нашего легкого заигрывания у стен крепости. Тепло наполнило его ауру, окутывая меня, словно кокон похоти и чувственности.

Я закрыла глаза, когда он откинул мой плащ, ища губами шею, лаская горячим языком кожу, обнимая меня сильными руками. Ощущая его крепкое тело напротив своего, я притворилась, что он действительно все знает и все в порядке. Я притворилась, что он не просто знает меня, но и понимает. Настоящую меня. Что между нами все идеально. И так оно и было, пока он продолжал прикасаться ко мне. До тех пор, пока я не открыла глаза.

Глава 3

Когда серафим приземлился, сопровождающие Тристана отодвинули перегородку, направляясь напрямиком к парку паланкинов. Я расправила платье, пригладила волосы и снова накинула капюшон. Тристан откашлялся, одергивая свой жакет и пояс.

Уртавия, самый большой город Бамарии, был густонаселенным. Солнце в сочетании с населением сделало воздух обжигающе горячим по сравнению с полями и водными каналами за пределами Крестхейвена. Мой плащ с капюшоном только усугублял ситуацию, и я проклинала себя за свою узнаваемую внешность. В воздухе витали насыщенные ароматы различных специй. Люмерианцы, съехавшиеся со всех уголков Империи, разговаривали на многочисленных языках, певцы и музыканты громко объявляли о праздновании Дня Ориэла. Ауры сливались и пульсировали вместе, затягивая улицы города в огромный хаотический водоворот энергии.

Наш серафим приземлился, но продолжил медленно взмахивать крыльями, отдавая меня порывом прохладного воздуха, пока служащий бухты не поднес к клюву птицы чашу с водой. Ее крылья замерли, когда она начала пить.

Я провела пальцами по золотому браслету на руке, который хранил секреты Миры. Он идеально сочетался с золотыми перьями серафима. Тристан с обожанием посмотрел на мое украшение, и легкая улыбка коснулась его губ. Он считал это милым, что я никогда его не снимала. Такой же браслет я надела на другую руку, как раз над новой раной, а браслет на ноге скрывал досадный синяк.

Взяв за руку, он повел меня вперед, когда сопровождающая его охрана вернулась с паланкином, украшенным тонкими белыми занавесками с вышитой на них серебряной луной. Естественно. Ка Грей должны были окружать себя серебром в честь своего символа. Бабушка Тристана, леди Ромула Грей, никогда не покидала свою виллу, не увесив серебряными украшениями все возможные части тела. Сопровождающие кивнули Тристану и расступились, чтобы пропустить нас.

Под паланкином стояли четыре мага, их сосредоточенные взгляды были обращены вверх на парящие над их плечами носилки. Ведущий маг отдал приказ, и остальные дружно опустили взгляды и отступили в сторону, позволяя паланкину опуститься на землю, чтобы мы с Тристаном могли забраться в него.

Мы скользнули внутрь и уселись на противоположные скамьи, покрытые роскошными бархатными подушками с серебряной вышивкой. Тристан выглядел довольным. Он собрался задернуть полог, но я настояла на том, чтобы оставить его открытым. Задернутые покровы вызывали у других желание заглянуть внутрь и узнать, кто там сидит. Открытые же заставляли зевак отводить глаза. И в любом случае, я приехала посмотреть на праздник. Если бы хотела весь день паяльничать на задернутые шторы, то осталась бы в своей комнате.

Мы двигались медленно, паря над головами других присутствующих гостей. Люмерианцы со всех уголков империи заполнили улицы. Парочки сидели возле ресторанов, к их столикам подплывали подносы с вином и фруктами. Город славился своими ярмарками и небольшими магазинчиками, но сегодня торговцы установили повсеместно палатки и прилавки со столами, чтобы продемонстрировать свои товары и заклинания.

Люди на улицах были одеты в яркие разноцветные одежды, представляя свои страны и кавимы. Люмерианцы родом из Элирии облачились в оранжевый, цвет Ка Элис, рода, пришедшего на смену Ка Азрии. Люмерианцы, присягнувшие Ка Элис, но все еще жившие в Бамарии, носили лиловые одежды. Мой взгляд метнулся к кортерианцам, пробиравшимся сквозь толпу: хитоны этих дикарей украшал серебряный волк Ка Кормака, а булавки – оскаленные волчьи пасти.

Затем появилась группа танцовщиц из Ка Дэкватейн, исполнявших традиционный люмерианский танец воды. Они ритмично покачивали бедрами в такт ударам барабанов и двигались с идеальной синхронностью. Четыре девушки стояли за пределами танцпола, держа в руках голубые атласные ленты, чтобы каждая танцовщица могла подпрыгнуть и перешагнуть через них. Вокруг лодыжек каждой девушки были повязаны дополнительные ленты, символизирующие Люмерианский океан.

Танец исполнялся над главной водной артерией Уртавии, полной голубых потоков, и создавал иллюзию, будто девушки танцуют на воде. Я знала, что несколько магических заклинаний усиливали этот эффект. Одна девушка в центре привлекла мое внимание своими точными и плавными движениями. Даже другие девушки, казалось, наблюдали за ней, ожидая подсказок, будто только от нее зависел ритм танца. Мне стало любопытно, почему она танцевала не в первом ряду, она создавала впечатление неофициального лидера группы. Танец закончился и начался другой.

Я отвлеклась от представления и огляделась по сторонам. Довольно непривычно было не видеть на улицах сотури.

Тристан наклонился ближе ко мне, пока я внимательно осматривалась вокруг.

– Ни одна из этих девушек не умеет двигать бедрами так, как ты. – Он взял мою ладонь в свою, медленно поднес ее к губам и поцеловал, затем обнял меня другой рукой за талию. – Ты танцуешь гораздо лучше.

Как будто я завидовала им и нуждалась в его утешении. Девушки отлично танцевали, но я знала, что танцую лучше. Я закатила глаза.

– Так бывает, если обучаешься у лучших хореографов Бамарии.

Мне нравились танцы воды, я любила и смотреть, и исполнять их. Но сейчас была больше сосредоточена на том, чтобы высмотреть сотури, безмолвно охраняющих город. Я узнала нескольких из Ка Батавии, облаченных в золотые доспехи с толстыми наплечными пластинами в виде заостренных перьев серафима. Даже в жару они оставались в своих зеленых накидках, наделенных люмерианской магией для маскировки и слияния с окружающей средой, и не снимали с головы капюшонов. Длинная ткань, обернутая складками вокруг талии, удерживалась кожаным поясом с семью подвешенными на ремешки золотыми звездами Валалумира, достаточно острыми, чтобы отрубить руку или ногу в бою.

Но, осмотрев остальную часть улицы, я больше не смогла найти ни одного сотури. Цифры просто не сходились. В такой день, как сегодня, следовало бы, по крайней мере, удвоить охрану, особенно после нападения на границе.

– Почему так мало сотури патрулируют улицы? – спросила я.

– Из-за нападения акадимов? – Тристан неторопливо выводил круги на моем бедре, а затем уткнулся лицом мне в шею. Его дыхание обжигало и без того разгоряченную кожу. – Это произошло неделю назад. О чем ты беспокоишься? Ты в безопасности, и, если до этого дойдет, ведь знаешь, что я тебя защищу. – Он скользнул руками вверх по моему телу и провел пальцами под грудью.

Я оттолкнула его.

– Я знаю, что это произошло неделю назад. Но в связи с праздником наша охрана должна быть в полном составе. С таким количеством народа в любой момент могут вспыхнуть беспорядки.

Тристан поцеловал меня в плечо и откинулся на спинку скамьи.

– Лир, наверное, ты их просто не замечаешь. Так и должно быть. – Он пожал плечами. – Они обучены оставаться невидимыми.

– Я всегда могу заметить сотуриона.

В этом у меня имелся большой опыт, потому что я выросла в Крестхейвене и, будучи юной девушкой с постоянным намерением сбежать из дома, выучила все их секреты. Раньше

мы с Мирой, Морганой и Джулс устраивали состязания, кто сможет улизнуть из Крестхейвена дальше всех, прежде чем нас поймают. Я всегда побеждала.

Толпа снаружи разразилась аплодисментами, когда барабаны достигли крещендо и танцовщицы закончили свое выступление. Тристан подал знак своим сопровождающим, стоявшим снаружи. Паланкин накренился, и мы поплыли вперед. Я быстро вытащила из своего кошелька несколько золотых монет и сунула их сопровождающему. Он передал деньги выступавшим девушкам и вернулся прежде, чем Тристан это заметил.

Мы поплыли по улице мимо еще большего количества магазинов и уличных торговцев, затем нам повстречалась труппа акробатов и чумазый маг, который заставлял старого серафима показывать трюки. Я с отвращением отвернулась. Мы использовали серафимов для перелетов, но они также были частью символа Ка Батавии. Их должны были почитать и уважать, а не превращать в цирковых артистов. Представление закончилось, и толпа разошлась, явив нашему взору Туриона Бренну Корру, магистра мира в Совете моего отца. Бренна была одной из высокочтимых лиц, она получила звание туриона, генерала сотури, в возрасте тридцати лет. Ходили даже слухи, что когда-нибудь она окажется в очереди на звание арктурриона. Учитывая небольшое количество сотури, стоящих на страже на улицах, я испытала облегчение, увидев ее. Она одна стояла пяти солдат.

Бренна переступила с ноги на ногу, и стальные мечи звездного огня, прикрепленные к ее спине, блеснули на солнце. В тот же момент цвет мечей сменился с серебристого на красный. Такой же эффект солнце оказывало на мои волосы. Когда она снова шагнула в тень красного навеса над магазином, мечи погасили свой огонь и снова стали серебристыми.

Хранитель времени Бамарии объявил колокольным звоном о наступлении полудня. В небе сверкнули отблески оникса, лунного камня и топаза, когда наши лошади-ашван взмыли в воздух, кружа над Бамарией, как они делали каждый час в поисках угроз. Охранники разошлись по своим новым постам, и Бренна отошла от навеса.

Вот тогда-то я их и увидела. Город был полон сотури, только не наших. Куда бы я ни бросила взгляд, вместо женщин и мужчин в золотых доспехах серафимов видела только свирепых мужчин-сотури, облаченных в серебряную броню с эмблемой Ка Кормака – рычащим волком. Эти люди, рожденные среди суровых холмов Кортерии, хранили верность Наместнику и Породителю ублюдков. Этих сотури я не знала, поэтому и не смогла раскрыть их маскировку.

Топот кожаных сандалий разносился по улицам города. Сотури из Ка Кормака даже не пытались смешаться с толпой или спрятаться, они открыто демонстрировали себя моему народу. Охрана тем временем менялась, и каждый новый сотурион был членом их армии, а не нашей. Молодой солдат из Ка Кормака, только что заступивший на пост, стоял под солнцем, и его меч звездного огня, чуть толще меча бамарийского сотури, вспыхнул ярким огнем. Он смотрел прямо на меня, сидящую в паланкине, и я ответила сердитым взглядом. Я знала об их присутствии в Уртавии, но от осознания их реального количества мое сердце учащенно забилося. Они здесь не для усиленной охраны улиц после произошедшей атаки и не из-за праздника. И это определенно не касалось безопасности учащихся, как хотела убедить меня тетя Арианна.

Ка Кормака, сотури, преданные Наместнику, человеку, который оборвал жизнь моей дворянской сестры и угрожал всему, что мне дорого, захватывали наш город.

Глава 4

Вокруг нас раздавались крики в адрес марширующих по улицам сотури. Не я одна пришла в ужас, увидев волков. Для сотури из других стран существовал обычай разоружаться в чужой стране, если только они не входили в состав личной охраны. Их мечи звездного огня и сверкающие звезды Валалумира, свисающие с поясов, еще больше заостряли внимание на эмблемах волков, предупреждая всех поблизости об их присутствии. Суматошная, беззаботная, подвижная энергия посетителей фестиваля обернулась темной, раздраженной, едва сдерживаемой яростью.

– Отправляйтесь домой! – выкрикнул кто-то.

– Обратно в Кортерию, волчьи выродки, – поддержал первого другой.

Это подстегнуло других, и вскоре оскорбления в адрес Ка Кормака разнеслись по улицам. Но ситуация так же стремительно изменилась, как и началась. Только теперь против меня.

– К черту Харрена Батавию! Это он пустил их! – Эти слова с пугающей силой заглушили остальные крики. Имя моего отца было произнесено, как проклятье, и без должного титула.

Я напряглась, а Тристан пересел на мою сторону паланкина, покровительственно обняв меня, пока крики продолжались.

– До него академики никогда на нас не нападали!

– Он не может править Бамарией, поэтому Кормак делает это за него!

– Этот дурак не может сдерживать академиков! Из-за него нас всех убьют!

Именно поэтому мой отец не хотел, чтобы я ездила в город сегодня. Недавнее нападение все еще было у всех на устах, вызывая напряжение и страх. Академик, жуткое существо старого мира, едва не нарушило наши границы.

Раздалась новая волна криков, проклятий и воплей ужаса. И тут на улице появился академик. Мое сердце подпрыгнуло. Но он оказался ненастоящим. Какой-то маг использовал примитивную магию, чтобы воссоздать тело монстра длиной почти в пятнадцать футов. Академики представляли собой помесь люмерианца и чего-то древнего, злого. Его глаза были красными, рот полон клыков, а острые, как бритва, ногти были размером с мою руку.

Несколько сотури из Ка Батавии вышли вперед, провожая академика, проплывшего мимо, взглядами, полными презрения. Эти солдаты находились в отставке, уволены со службы из-за боевых ранений. У одного не хватало глаза, у другого была оторвана рука. Ходили слухи, что академики обладают силой пяти сотури, из-за чего их очень трудно убить. Большинство из тех, кто сражался с этими монстрами, не дожили до того, чтобы рассказать правду. А те, кому чудом удалось выжить, часто оказывались искалечены и едва сохранили свои конечности и души нетронутыми. Самые невезучие отделались невидимыми шрамами, о существовании которых знали только они. У академиков был способ охотиться на своих жертв – способ, который часто приводил к тому, что человек мечтал о смерти.

– Shekar arkasva! – Маг размахивал флагом с изображением символа, чем-то напоминавшего эмблему Ка Батавии, но других цветов. Вместо золотых крыльев серафима под серебряной луной крылья этого серафима были выкрашены в черный цвет.

Я дернула Тристана за руку.

– Посмотри на эмблему на флаге этого человека.

Тристан сосредоточенно смотрел себе под ноги. Он не мог выносить вида крови или увечий, но по моей просьбе поднял глаза и прищурился.

Мужчина снова выкрикнул:

– Shekar arkasva!

– Shekar arkasva? – спросил Тристан, отодвигая занавеску. Он слегка позеленел, увидев изуродованных сотури. Рядом с нашим паланкином стоял сотурион в лиловых одеяниях Ка

Элис, принадлежавших бамарийской ветви. У него отсутствовали обе ноги и глаз. Он передвигался на протезах, сделанных из побегов солнечного и лунного деревьев. Искусственные ноги торчали из-под его хитона и сгибались в коленях благодаря магическому заклинанию. – Что это значит?

– Это древний люмерианский, – ответила я. – Аркасва самозванец. – У меня возникло дурное предчувствие. Простолюдины не говорили на древнем люмерианском.

– Аркасва самозванец? – Тристан нахмурился.

Эта фраза показалась мне знакомой, но я не могла точно сказать почему.

– Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Ничего хорошего. Нам стоит вернуться в Крестхейвен. – Тристан уже высунулся из паланкина, подавая знак своему сопровождению.

Я остановила его руку. Моего отца прогнали с улиц, когда я едва начала ходить. И сейчас я отказывалась позволить им сделать со мной то же самое. Это были мои улицы, проложенные моими предками.

– Нет! Мы едем дальше. Скоро все это закончится. Я знаю, что тебе не нравится вид...

– Я могу сдержаться при виде раненых сотури! Просто... Там опасно.

Я замотала головой.

– Крики скоро утихнут. Они взволнованы только потому, что сменился караул. Смотри. Сотури Ка Кормака уже слились с окружением. Люди забудут... Они вновь вернуться к своим покупкам. – Словно подтверждая мои слова, группа девушек, чья церемония Раскрытия состоится лишь через несколько лет, окружили палатку с платьями.

– Лир, – возразил Тристан, – будь благоразумной. В воздухе витают дурные настроения, нацеленные на твоего отца, а значит, и на тебя. Мы должны вернуть тебя домой, в безопасность.

Я выглянула наружу, стараясь не снимать свой черный капюшон. Мрачное настроение горожан, царившее снаружи, напоминало удушающий поцелуй, от которого перехватывает дыхание. Я отбросила все тревоги в сторону.

– Вперед, я приказываю вам.

Сопровождающий Тристана кивнул и подал знак. Наш паланкин накренился, когда маги двинулись дальше: их магия соединяла нас с ними. Тристан откинулся назад, больше не прикасаясь ко мне.

– Лир, почему? – спросил он. – Ну почему из всех дней именно сегодня тебе понадобилось быть такой безрассудной? – Он склонил голову набок. Его аура пульсировала пылающим гневом, отчего внутри стало невыносимо жарко. Он ненавидел, когда я отменяла его приказы, отданные свите. Несмотря на то что однажды ему предстояло стать лордом его Ка и он был на три года старше меня, я всегда превосходила его в авторитете.

Рассердившись, я отодвинулась от него.

– Потому что я еще не закончила. Я собиралась купить новое ожерелье на свой день рождения.

Поскольку я должна была надеть его на церемонию Обретения, то планировала купить самое большое и привлекающее внимание, какое только смогу найти. Я надеялась, что мой выбор украшений отвлечет всех в храме, пока отец будет контролировать мое тело. Более того, я просто не желала возвращаться домой раньше времени и признавать поражение, не хотела признавать, что Моргана и отец были правы. В течение двух лет я отлично играла роль леди. Но чувствовала, что время подходит к концу, что какая-то новая энергия зарождается внутри меня. Я хотела быть безрассудной, хотела проявить собственную волю.

Тристан нахмурился, его ноздри раздулись. Его раздражение и беспокойство боролись с желанием осчастливить меня в мой день рождения. И все-таки его лицо смягчилось, а напряжение в ауре ослабло.

– Обещай мне, что, если в городе станет еще опаснее, мы немедленно уйдем. Мне неприятно это говорить, но общественное мнение о твоём отце сейчас не слишком высокое. И сегодня не тот день, чтобы испытывать на себе недовольство толпы. – Он снова взял меня за руку и сплел наши пальцы. – Я люблю тебя. И мы собираемся... – Он вздохнул и покачал головой. – Если с тобой что-нибудь случится...

– Знаю, – поспешно вставила я.

Он осекся, прежде чем успел сказать «обручиться». Мы оба знали, что наша помолвка состоится, как только я обрету свою магию, но все равно было слишком тяжело говорить об этом вслух.

– И я обещаю, – добавила я, – если станет слишком опасно, мы уедем. – Хотя у меня было твердое намерение самой решать, насколько опасной стала ситуация и когда именно.

Тристан старался вести себя сдержанно, но он снова высунулся из паланкина, приказав сопровождающим отойти от протестующих, а затем задернул занавески. Я позволила ему одержать в этом верх.

Спустя несколько минут крики стихли, и я вздохнула с облегчением.

Вскоре мы оказались на небольшой ярмарке среди палаток, торгующих товарами, предназначенными для более состоятельных покупателей. Наш паланкин опустили на землю, и мы выбрались наружу. Я покачала головой, пораженная непринужденностью, с которой двигался Тристан. Он верил, что среди богатых находится в безопасности. Но я была более осмотрительной. Отца чуть не убили богачи – мой собственный дядя. И из-за его предательства тетю Арианну арестовали. Она провела в тюрьме несколько мучительных дней, прежде чем ей поведали, что она ничего не знала о заговоре своего мужа и не участвовала в нем.

Я прошлась по торговым палаткам, внимательно осмотрев несколько столов, заваленных драгоценностями. Трендом года стали изящные ожерелья с подвесками в виде золотых серафимов и Валалумиров. Для меня слишком утонченно. Я обладала крупными чертами лица: полные губы, волевой нос и широкая ключица. Мне нужно было что-то большое и эффектное, заметное даже на мне. В частности, был один продавец, который специализировался на таких изделиях.

Я выдернула свою руку из руки Тристана, чмокнув его в уголок рта.

– Ты собираешься купить мне что-нибудь на день рождения?

– Что ты хочешь? – спросил он, метнув взгляд к моей руке.

Я сглотнула, понимая, что он подумал об обручальном кольце. Купит ли он его сейчас? А может, уже купил? Или это будет семейная реликвия Ка Грей из их хранилищ?

– Удиви меня, – ответила я. – Я собираюсь навестить Рамию.

Тристан кивнул, но только после того, как заставил меня согласиться на сопровождение из его охраны и встретиться с ним через тридцать минут. Мы разошлись в противоположных направлениях.

– Ваша светлость? Миледи Лириана пришла одна? Идите, ваша светлость, идите сюда! – Рамия высунула голову из-за шелковых занавесей, колышущихся над пологам ее палатки. – Нет! – рявкнула она на торговца на другой стороне улицы, который направлялся ко мне. Похоже, он пронюхал, кто я такая и, следовательно, сколько денег у меня в кошельке. – Она не будет покупать у тебя, – прошипела она. Ее аура заискрилась авторитетом, и, хотя свечение мягко мерцало, оно было полно силы.

– Глупая библиотекаряша, – пробормотал он.

Я махнула охраннику Тристана, сделав знак подождать снаружи палатки.

Рамия затащила меня внутрь, откидывая свои огненно-рыжие волосы за плечи.

– Идиот. – В ее голосе слышался сильный акцент. – То, что я заведу библиотекой, не значит, что я не могу иметь подработку. – Она закрыла полог палатки и подмигнула мне. – К тому же всем известно, что я создаю украшения гораздо лучше всех остальных.

Я улыбнулась.

Рамия работала с Учеными, заботясь о фондах Великой библиотеки в пирамидах Гавани Ученых. По долгу службы она практически все время проводила в одной из меньших пирамид, в секции, где хранились афейянские свитки.

Я знала, что Рамии почти пятьдесят, поскольку Моргана однажды спросила о ее возрасте. Но благодаря своему наполовину афейянскому происхождению она, казалось, совсем не старела и выглядела всего на несколько лет старше меня.

– С днем рождения, ваша светлость.

В каждом углу палатки были зажжены благовония, и у меня заслезились глаза, когда я расположилась на напольной подушке. Рядом стоял серебряный поднос с чаем и куском медовой коврижки.

– Я приготовила это для вас, – сказала она.

– Спасибо. – Я подула на чай, вдохнула сладкие ароматы корицы и кардамона и сделала глоток. – Как ты узнала, что я приду?

– Просто предположила. Я удивлена, что вы все-таки пришли. Наследница Аркасвы Батавии свободно разгуливает по беспокойным улицам города, – ответила она с ухмылкой. Шум праздника, музыка, голоса и суета людей снаружи, казалось, усилились в подтверждение ее слов. – Ваш отец не стал строже после нападения? Ловите. – Она бросила мне на колени маленький серебряный браслет.

– Стал. – Я пожала плечами и подняла браслет.

Рамия рассмеялась, в ее глазах появился озорной огонек.

– Но вы все равно пришли. Хорошо. У меня есть для вас кое-что особенное, и, если бы вы не появились, мне пришлось бы лично это доставить. Но не это! – добавила она, указывая на серебряный браслет в моей руке. Звенья цепочки переплетались с черным шелком, скрывавшим какую-то смесь трав, которую ни в коем случае не следовало смешивать. Пахло отвратительно.

– Силы Люмерии, что это за вонь? – спросила я.

– Это последний писк моды, – ответила Рамия. – Магические браслеты, отгоняющие акадимов. Только за это утро я продала сотню.

– Это не защитит от акадимов. Магия на них не действует.

– Я в курсе, – усмехнулась Рамия. – Люмерианцы покупают всякую ерунду, когда напуганы. Каждый уличный торговец продает такие. Мои, по крайней мере, красивые.

Я отбросила цепочку на небольшой столик, вытирая руку о свой плащ, чтобы избавиться от запаха.

Рамия сняла ключ с золотых и серебряных браслетов-обручей, украшавших ее руку, после чего отдернула занавеску и открыла сейф.

Я знала, что бы она там ни прятала, это будет ценная вещь. Драгоценное изделие, которое украсит меня сегодня вечером и отвлечет всеобщее внимание от... ради Богов, надеюсь, этого не потребуются. Но при этом оно будет еще и изящным. Что-то лично для меня, в честь моего дня рождения, как было раньше с Джулс. Именинные украшения, как мы их называли. Каждый год в дни нашего рождения мы с ней ходили по магазинам в поисках идеальных вещиц. Теперь многие из старых украшений Джулс помогали прятать последствия секрета Миры на моем теле.

У меня отвисла челюсть, когда Рамия показала драгоценное украшение, завернутое в черную бархатную ткань. Это было самое большое ожерелье, которое я когда-либо видела. Оно закроет мое декольте от ключиц до плеч, дойдя до верхней части груди. Это было не просто ожерелье, а практически доспехи воительницы. Я не сомневалась, что сегодня вечером все разговоры будут только о нем. Это изделие представляло собой соединенные золотые Валалумиры. Центр каждой звезды украшал крошечный бриллиант, который начинал сверкать и

переливаться красным пламенем, когда солнце проникало сквозь полог палатки. Это были не обычные бриллианты. Их создали из звездного огня.

Я ахнула, когда звездный огонь ожил, и Рамия улыбнулась так широко, что казалось, ее лицо вот-вот треснет. Ожерелье было таким замысловатым и большим. Я понятия не имела, что звездный огонь можно превратить в бриллианты. Мы могли добывать сырье, но не могли ничего из него выковать. Для этого нам требовались афейянцы, бессмертные люди из Люмерии Матавии, которые выжили во время Потопа. Только у них хватало мастерства и знаний, чтобы выковать звездный огонь, но, насколько я знала, они умели превращать его только в оружие.

– Рамия, как... как ты его сделала?

– Я афейянка только наполовину, – резко ответила она. – Я не умею работать со звездным огнем.

– Но... тогда как?

– Очень просто. Я не изготовила его. Я его нашла.

– Нет! Ты...

Рамия кивнула, ее глаза блеснули.

Одной из обязанностей Рамии в библиотеке являлось приведение в порядок и сортировка артефактов, найденных в Люмерианском океане. Древние предметы из Люмерии Матавии, родины, которую мы потеряли тысячу лет назад, продолжали появляться в результате рыболовных экспедиций. Некоторые предметы после восстановления можно было использовать, и их распространяли по империи. Например, камни вадати и звездный огонь. Но многие утратили свою магию или не подлежали восстановлению. Такие находки выставлялись в музее в Пристанище Ученых, чтобы посетители могли их видеть и восхищаться. Это ожерелье должно было стать музейным экспонатом за стеклом, а не продаваться в уличной торговой палатке.

Мне стоило заявить на Рамию. Но... Ожерелье выглядело таким красивым и, на мой взгляд, идеально подходило для церемонии Обретения. Рамия назвала его моим ожерельем и в какой-то степени, хотя я не могла этого объяснить, была права. Это украшение выковали, чтобы притягивать все внимание. Оно создано для меня.

Я чувствовала, что ожерелье было древним, однако оно выглядело нетронутым, практически новым. Похоже, Рамия действительно отлично поработала над ним, ведь оно пролежало на дне океана тысячи лет.

– Как давно вы были на выставке древних артефактов? – тихо спросила Рамия. – Я знаю, что давно. Иначе вы бы уже знали, что у нас выставлено пять точно таких же экспонатов. Что нам делать с еще одним?

– Получить прибыль, конечно же, – сдержанно ответила я.

– Что-то в этом роде, – обольстительно улыбнулась она.

Я покачала головой, все еще испытывая беспокойство. Рамия подскочила ко мне сзади, перекинула мои волосы через плечо и застегнула застежку на шее.

Ожерелье легло идеально, подчеркивая каждый изгиб и впадинку моего тела, а тепло кожи нагрело металл. Мне на самом деле казалось, что его создали для меня, как будто оно уже было моим, и я надевала его много раз.

Рамия сунула мне в руки зеркало, и стоило признать – результат был захватывающим. Я выглядела красивой, сногшибательной и чувствовала себя сильной, даже могущественной. Украшение отлично смотрелось с моими крупными чертами лица, а золотистый оттенок как раз подходил к тону кожи. Я сияла. Правильно или нет, но я знала, что ни за что не уйду без этой вещицы.

– Оно вам идеально подходит.

Рамия откинула полог палатки, солнечные лучи скользнули внутрь, и мои волосы с ожерельем вспыхнули алым пламенем. Мы были созданы друг для друга. На секунду у меня закру-

жилась голова, а перед глазами появился золотой пляж с волнами, разбивающимися о берег, и солнце, садящееся на фоне краснеющего неба. Я подняла руку, мои пальцы казались незнакомыми, моими, но не моими – они были длиннее, кожа темнее. Рамия задернула полог, и видение исчезло.

– Звезды Валалумира исполнены в древнем стиле, как и ваша татуировка.

Я пристально посмотрела на свое запястье. Действительно. Семиконечная звезда имела множество вариаций и исполнений. Для своей руки я выбрала самый старинный вариант, и он идеально подходил к ожерелью. Теперь у меня было ожерелье, сочетающееся по стилю со звездами моей татуировки, точно так же, как мой золотой браслет в виде крыльев соответствовал символу, набитому внутри звезды.

– Вы выглядите точь-в-точь, как богиня Ашера, – сказала она. – Неистовая и могущественная. Сильный сотурион.

Я открыто рассмеялась над ее словами.

– Поверь, я совсем не сотурион.

Рамия вскинула руки вверх.

– Маг! Сотурион! Да какая разница? Вы похожи на Богиню.

Она хотела сделать мне комплимент. Возможно, в Афее так оно и было. Но в последнее время имя Ашера в Бамарии приобрело значение «шлюха». И все благодаря присутствию Ка Кормака.

Рамия прищурилась.

– Или, может быть, вы выглядите как Престолонаследница?

– Рамия!

– Знаю, знаю, – засмеялась она. – Я знаю, что вы самая младшая дочь. И право правления переходит леди Мире. Но некоторые... Некоторые предпочли бы вас.

Я с трудом сглотнула. Неужели это правда? Но я слишком боялась спрашивать, поскольку сомневалась, что мне понравится ответ, каким бы он ни был. Либо бамарийцы предпочитали меня Мире, потому что я им нравилась больше, либо потому, что они подозревали, что с Мирой что-то не так. Я не могла себе позволить раздумывать над этим. Сначала мне нужно пережить эту ночь. И эту сделку.

Сделав глубокий вдох, я спросила:

– Сколько?

Рамия затряслась от смеха, и ее браслеты зазвенели.

– Ваша светлость, даже если вы объедините свое состояние с наследством лорда Тристана, вы никогда не сможете позволить себе это ожерелье. – Прежде чем я успела возразить, она продолжила: – Бесценный артефакт из Люмерии Матавии. Выкованный до Потопа. Никто не может его купить. Кроме того, продажа артефактов незаконна, и я не планирую ночевать в Цитадели Теней. – Рамия вздрогнула. – Так что либо он отправится в музей под стекло и будет без толку лежать там целую вечность. Либо... – Она озорно подмигнула. – Сегодня вечером его наденет прекрасная наследница Аркасвы, Верховного лорда Бамарии.

– За какую цену? – осторожно спросила я. Она не собиралась брать с меня деньги, но я прекрасно понимала, что это не настоящий подарок. В конце концов, Рамия была наполовину афейянкой, а бессмертные существа славились своими сделками, которые они заключали.

– Может быть, однажды вы окажете мне услугу, в которой я нуждаюсь? – широко улыбнулась она.

– Сделка? – уточнила я с бешено колотящимся сердцем. Сделки с афейянами были очень опасны. Но Рамия только рассмеялась в ответ.

– Я лишь полуафейянка. Никаких сделок. Только услуга. Когда-нибудь.

Я напряженно сглотнула, грудь сдавило от предчувствия.

Несколько минут спустя я покинула палатку, ожерелье надежно спряталось под юбкой моего платья и своей тяжестью давило на талию. Я снова накинула черный капюшон, спрятав волосы. Охранник Тристана молча шел позади, пока я пробиралась между палатками и уличными торговцами.

– ...Видения для нее под запретом. Лучше бы и тебе помнить об этом. Ворок! Ворок! Поглоти их океан! – Над шумом толпы разнеслись слова детской песенки.

Я резко повернулась и проскользнула в проход между двумя палатками до того, как дети, танцующие в кругу, успели закончить свою дурацкую песенку. Я тоже пела ее в детстве, но теперь ее слова преследовали меня. Охранник Тристана следовал за мной не отставая и отдернул назад, прежде чем я налетела на небольшой прилавок уличного торговца. Тот стоял перед своей палаткой и с надеждой улыбался из-под черных усов с завитками на концах. Он указал на широкий выбор золотых брошек с эмблемами.

– У вас отсутствует эмблема, моя госпожа. Подходите и купите брошь, которая дополнит вашу красоту. Покажите всей Люмерии, кому вы верны.

Я натянуто улыбнулась. Он меня не узнал и понятия не имел, что ко мне следует обращаться «ваша светлость».

Из вежливости и потому, что чуть не уничтожила весь его товар, я окинула взглядом броши. Большинство из них имели изображение символа Ка Батавии – расправленные золотые крылья серафима под серебряной лунной. Я нашла несколько с эмблемой Ка Грея – серебристые крылья под лунной. Также было несколько брошей для Ка Сколар – белый свиток, пересекающий золотую пирамиду, и символ Ка Элис – лошадь-ашван, скачущая по солнцу. Я перебирала их, пока, к своему отвращению, не наткнулась на нескольких рычащих волков. Ка Кормак. Бамарийский продавец должен был торговать брошками с эмблемами только бамарийских кавимов, а не чужих кланов, которые заплонили наш город.

– Они заколдованы, моя госпожа, и все напевают песню своего Ка.

Меня это вовсе не впечатлило. Что хорошего в поющей брошке? Как бы там ни было, я не собиралась ничего покупать у продавца, который торгует эмблемой Ка Кормака, и с отвращением отбросила одну из них.

– Все ли эти броши на самом деле говорят о верности Ка Батавии? – поинтересовалась я, осматривая толпу в поисках Тристана. Нам с ним уже пора было встретиться.

– У меня есть еще, – поспешно ответил продавец, понизив голос. – Возможно, вы ищете что-то... другое? – Он исчез в своей палатке и с радостным волнением появился снова с маленькой черной коробочкой, которую поставил на стол. Он откинул бархатную крышку и сделал знак рукой, чтобы я выбрала что-нибудь. Я порылась внутри и достала крошечную золотую брошку, намного меньше других, выставленных на продажу.

– Вам нравится? – спросил он.

Она была слишком крошечной, чтобы бросаться в глаза, и ее качество оставляло желать лучшего. Я уже собралась вернуть брошку в коробку, но изображенный на ней символ привлек мое внимание. Это определенно была эмблема Ка Батавии, но перья серафима были выкрашены в черный цвет. Такое же изображение я видела на флаге человека, который выкрикивал: «Shekar arkasva! Аркасва-самозванец!»

– Я не узнаю этот символ, – сказала я. – К какому Ка он принадлежит?

– Ка Батавия, – весело ответил он.

– Нет. На символе Ка Батавии золотые крылья. А у этого черные.

Щеки продавца покраснели, и он выхватил брошку у меня из рук, затем бросил ее в коробочку и сверху накрыл бархатной тканью.

– Виноват, моя госпожа. Я тотчас же ее уничтожу.

– Брошки? – Тристан обнял меня сзади. Он высунулся из-за моего плеча и без всякого интереса оглядел прилавок. – Я полагал, тебе нужны настоящие украшения.

Теперь торговец, казалось, понял, перед кем стоит. Лорда Тристана Грея, красавца-мужчину в расшитой серебром одежде, с огромным кольцом-печаткой и личной охраной было трудно не заметить. И все хорошо знали, за кем он ухаживал, кто собирался стать его невестой. Торговец задрожал, разглядев мои черты под тенью капюшона. Я видела, какое потрясение он испытал, когда осознал, что нанес мне оскорбление, неправильно обратившись ко мне. Он небрежно запихнул коробку под свой стол. Что-то в его ауре изменилось, как будто он пытался закрыться, его щеки и нос покраснели.

– Давай вернемся в паланкин. – Тристан сплел наши пальцы вместе и повел меня прочь. Уличный торговец обливался нервным потом, его взгляд метался по сторонам, пока он доставал коробки для своего товара.

Наша охрана отступила назад, когда маги опустили носилки на землю. Тристан раздвинул занавески, чтобы пропустить меня первой, при этом постоянно намекая, какие красивые украшения купил для меня. Он откинулся на бархатные подушки, и его пальцы скользнули вверх по моей руке. Тристан отодвинул в сторону край моего плаща и коснулся чувствительной кожи над локтем, его рука лишь на секунду задержалась на золотом браслете, сжимавшем мое предплечье. Я напряглась.

Но Тристан едва обратил на это внимание. Очевидно, совершенные покупки улучшили его настроение.

Я отодвинула его руку от браслета, скрывавшего секреты Миры, и положила ее себе на ногу с многозначительным взглядом.

Но паланкин резко остановился, и мы столкнулись носами. Я соскользнула с его колен.

Тристан высунулся наружу.

– Что случилось?

– Мой господин, – произнес его охранник. – Кажется, у нас тут инцидент.

У меня сердце остановилось. Инцидент. Это слово они всегда использовали в Ка Грей как кодовое. Для ворака.

У меня засосало под ложечкой, когда я отдернула занавески. Скрывавшиеся в тени маги с эмблемами Ка Грея в виде серебряных крыльев и лун на жакетах появились на улице. Я должна была заметить их, почувствовать. По многозначительному взгляду Тристана я поняла, что он был в курсе их присутствия. Вот почему он позволил мне остаться на празднике – его собственные силы заполонили город.

– Тристан, – произнесла я, схватив его за руку.

Он быстро поцеловал меня в щеку, а затем встал у входа в наш паланкин.

– Подожди здесь, с моей охраной ты будешь в безопасности.

– Тристан, – повторила я дрожащим голосом, борясь со слезами.

– Со мной все будет в порядке, – успокоил он, ошибочно подумав, что я беспокоюсь за его безопасность.

Он спрыгнул на землю и вытащил свой посох из серебряных ножен.

В ту же секунду он метнулся в толпу, его маги в боевой готовности последовали за ним. Ворок, о котором шла речь, оказался у одной из танцовщиц из Ка Дэкватейн, которых мы видели ранее, у той, которая обладала такой грацией и свободой в движениях, что я считала ее ведущей танцовщицей. Теперь она стояла неподвижно, ее глаза расширились от страха. Холод просочился сквозь полог паланкина и окутал меня, заставив задрожать. Этот холод я знала. Холод видений. Лицо девушки было идеальным отражением лица Миры. Остальные танцовщицы окружили ее, как бы защищая, их позы были настороженными. И я поняла, что ранее они наблюдали за ней не ради танцевальных подсказок, они следили, чтобы у нее не начались видения.

Но когда Тристан пробился сквозь зевак, и появились другие маги с обнаженными посохами, танцовщицы попятились назад. Спасти ее было невозможно. Точно так же, как не было возможности спасти Джулс.

Девушка извивалась и кричала, а ее глаза стали дикими. Тристан остановился, расставив ноги шире, и направил свой посох к ее горлу. Мое тело онемело. Я окоченела от холода, который прибавлял силы вороку, оцепенела от страха, который испытывала, от трусости и тяжести маски, которую носила каждый день.

Каждая клеточка моего тела кричала, чтобы я что-то сделала, чтобы помогла ей, спасла эту девушку. Запрыгнула Тристану на спину и не позволила ему сделать то, что он собирался. Мне хотелось крикнуть ее подругам, чтобы они защитили ее, обвинить их в трусости. Но как я могла, когда сама была ничуть не лучше? Я не смогла спасти Джулс. Я стояла в стороне, когда это случилось. И сейчас, как бы ужасно себя ни чувствовала, я должна была остаться в стороне. Если я этого не сделаю, то обреку своих сестер на смерть.

Тристан двигался, как пума, плавно и быстро. Беспощадный хищник. Он уже был одним из самых опытных магов в Бамарии.

– Я лорд Тристан Грей. – От него исходили неукротимые волны осуждения, пламенного гнева, ярости и ненависти, которые он питал к тем, кто обладал вороком, особенно к тем, у кого были видения. Он не мог держать себя в руках, особенно когда дело доходило до этого. Те, кто остался в толпе, медленно попятились назад, освобождая пространство между ним и его жертвой. – Вы обвиняетесь в обладании вороком первого порядка, силой видений. Я свяжу вас и передам сотури Ка Батавии, после чего вы будете арестованы и его высочество Наместник вынесет приговор.

Девушка закричала сильнее, все ее тело забилося в конвульсиях. Толпа осуждающими возгласами поддерживала Тристана.

– Ворок! Ворок! Поглоти их океан!

Он шагнул вперед и выставил свой посох. Девушка бросилась на Тристана, ее пальцы снова превратились в когти, и она замахнулась. Но он был быстрее. Сильнее. Черные тени, клубясь и извиваясь, потянулись вперед от его посоха, пока не обвились, как змеи, вокруг ее тела, пылая ярким кроваво-красным светом, а затем превратились в искристый черный. Пути затянулись, прижав руки девушки к бокам, и ее крики стихли. Она больше не могла пользоваться своей силой. Она застыла в немом крике, глаза расширились, и она упала вперед, закатив глаза. Тристан поймал ее, перекинул обмякшее тело через плечо и отнес к какому-то безмянному сотуриону из Ка Батавии. Тот с легкостью подхватил девушку и перекинул через покрытое золотыми доспехами плечо, словно она была не более чем мешком риса. Затем сотурион удалился, а Тристан остался стоять среди толпы, купаясь в аплодисментах, в то время как по моим щекам текли слезы безысходности. Дрожа всем телом, я откинулась на спинку скамьи паланкина.

Глава 5

– О Боги, Лир! – Тристан забрался обратно в паланкин.

Я поспешно вытерла слезы на щеках, чувствуя, как в груди зарождается паника. Тристан так легко, не задумываясь, справился с этой девушкой. Как будто она совершенно ничего не значила.

Джулс ничего не значила... особенно после того, как все узнали, кем она является. С ней было то же самое.

– Лир? – Присев на корточки передо мной, он взял меня за руки. – Теперь все хорошо. Все закончилось.

Сглотнув, я кивнула. Верно. Все хорошо. Все закончилось. В данной ситуации Тристан был героем, а не злодеем. Я не могла плакать из-за этой девушки так же, как мне не позволено было оплакивать Джулс. Я снова должна была надеть маску леди Лирианы. Тяжело дыша, я выдавила нужные слова, ощущая привкус желчи во рту.

– Я беспокоилась за тебя, – произнесла я приглушенным шепотом, все еще испытывая целую бурю эмоций, чтобы говорить в полный голос. – Она была такой буйной. – Я подумала о Мире, о бесконечной паутине порезов и синяков, покрывающих все мое тело. О царапинах на спине, полученных мною только сегодня из-за чудовищной силы, которую дает сестре ворок.

– Лир, со мной все в порядке, – ответил он, обхватив ладонью мой подбородок. – Мне ничто не угрожало.

– Я знаю, но... – Я замолчала. Я никогда не сомневалась в физическом состоянии Тристана, учитывая его мастерство и силу. Но эмоционально ворок влиял на Тристана так же сильно, как и на меня. Просто по разным причинам. – Я ненавижу, когда эти вещи вызывают у тебя плохие воспоминания. – Когда он был маленьким мальчиком, ворок разрушил его жизнь. Он увидел то, чего не должен был видеть никто и никогда. С тех пор охота на ворок стала предметом гордости для его Ка наряду с серебром.

Он обеспокоенно нахмурился, наклонился вперед и поцеловал меня поочередно в обе щеки, потом накрыл мои губы со вкусом соленых слез.

Я уже давно поняла, что, несмотря на благородное происхождение и статус Наследницы при дворе магов и лжецов, не всегда могла носить маску, позволявшую мне скрывать свои чувства. Как бы сильно я ни старалась ожесточить свое сердце, мне не всегда удавалось сдерживать эмоции. И когда мое сердце едва не раскрыло, какой предательницей я была, я поняла, что единственный способ скрыть ложь – это открыть правду. Произошедшее несколько минут назад на самом деле повлияло на Тристана, и как бы плохо я себя ни чувствовала, как бы сильно ни желала выскочить из этого паланкина, он действительно мне был небезразличен. Очень.

Наш поцелуй стал более страстным, и я соскользнула со скамейки к нему на колени, он все еще сидел на корточках на полу.

– Я люблю тебя, – выдохнула я.

– Я люблю тебя.

Он напрягся, одной рукой держась за скамью, другой обвив меня за талию, и поцеловал с такой страстью, которую я редко испытывала. Я видела, насколько он силен как маг, знала, чем он занимался, за что выступала его семья. Но никогда не становилась свидетелем его охоты и не чувствовала неистовости, охватывавшей его сразу после этого, страсти, которая сейчас была сосредоточена в определенной части его тела – между ног.

Охота на ворок, аресты обычно оставляли его разгоряченным. Возбужденным. Я об этом знала, но никогда не была рядом с ним в таком состоянии. Меня чуть не стошнило. Но если бы отстранилась после того, как сама стала инициатором такого интенсивного физического контакта, после того, как выразила свои чувства...

Я судорожно вздохнула и, закрыв глаза, прижалась к нему, желая, чтобы печаль, страх, тревога и отвращение, которые я в тот момент испытывала, превратились во что-то совершенно иное. Я терлась о его бедра своими. Боги, он был таким твердым. Я прикусила нижнюю губу и прильнула к нему еще ближе, заставляя вырвавшееся рыдание прозвучать как стон. Тристан резко вдохнул.

Паланкин резко накренился, и Тристан упал вперед, прижав меня к скамье.

– Прости, – извинился он, отстраняясь от меня. Тристан вспотел, и его лицо покраснело.

Он слегка улыбнулся мне, затем помог вернуться на скамью и сел рядом.

– Я умираю с голоду, – сказал он, поправляя ремень. – Может, заскочим в ресторан и пообедаем?

– Я тоже проголодалась, – ответила я, поправляя волосы и плащ и безумно радуясь, что мы сменили тему разговора и то, чем занимались.

Тристан высунул голову за полог паланкина и приказал магам отнести нас к месту, которое мы часто посещали.

Я закрыла глаза, пока он отдавал приказ, и медленно выдохнула.

После обеда мы встретились с Халейкой и Галеном, которые, как и предполагалось, флиртовали и поддразнивали друг друга настолько очевидно, что я готова была закричать: «Просто целуйтесь уже!» Я обрадовалась нашей встрече, пока Тристан не начал рассказывать им историю танцовщицы, которую он арестовал. От каждого его слова, ненависти, которую он к ней питал, от того, как он описывал безумие, увиденное в ее глазах, я чувствовала себя все хуже и хуже.

Я тут же придумала предлог, что мне нужно пройтись по магазинам, чтобы наконец уйти и заставить Тристана замолчать. Мы направились обратно к появляющимся то тут, то там торговым рядам.

Не успели мы вернуться в паланкин, как через несколько минут снова резко остановились. Тристан выглянул, чтобы проверить, в чем дело, и у меня внутри все сжалось. «Пожалуйста, только не еще один невинный человек с вороком, которого Тристану придется связать и арестовать».

– Мы решаем, как нам обойти толпу, – крикнул ведущий маг.

Я отдернула занавески. Сотни люмерианцев прижимались друг к другу, толкались и одергивали друг друга, все пытались добраться до центра круга, образовавшегося внутри толпы.

Крики и проклятия прорывались сквозь общий гул, когда искры магии вырывались из обнаженных посохов. Пятеро сотури Ка Кормака в серебряных доспехах вытащили молодого сотуриона в центр, втянув его в драку.

Он выглядел ненамного старше меня, возможно, ровесник Тристана. Его доспехи были простыми, черная кожа поверх металла, а зеленый плащ сотуриона порвался и испачкался. Он не относился ни к какому из кавимов в Бамарии. И не к Кортерии тоже.

– Где наши караульные? Почему они не остановят этих сотури? – прорычала я.

– Сотури и делают это, – ответил Тристан.

– Они не могут. Уличные драки запрещены.

– Скажи им это. – Голос Тристана был полон сарказма.

– Мориэлы недоделанные, – выругалась я. Сотури Ка Кормака были на дежурстве, но эти скоты не выполняли свою работу – как обычно, именно они создавали хаос.

«Люди должны продолжать верить. Мы сильны и должны такими казаться, чтобы напомнить всем о могуществе Ка Батавии».

Во мне разгорелось неистовое желание все исправить. Я ничем не смогла помочь Джулс. Я не смогла помочь той девушке, потому что слишком многое было поставлено на карту. Но это? Тут я могла бы что-нибудь сделать.

Я отодвинула полог.

– Опустите нас.

Тристан выпучил глаза.

– Что? Лир, нет, я пошутил. Ты не можешь туда пойти! Безумство Литии, ты с ума сошла?

– Я в здравом уме и должна это сделать. Мы не можем позволить такие драки. Особенно сегодня.

– Но как ты собираешься это остановить? – Он ухватился за скамью, когда паланкин дернулся, и мы опустились на землю. – Лир, подумай! Там целая толпа людей, и ни одного сотуриона из Ка Батавии поблизости.

– Есть я, – взревела я, когда крики стали громче.

Тристан покачал головой, его рука уже покоилась на рукояти посоха.

– Я не смогу защитить тебя от такого количества людей.

– Я сама себя могу защитить.

– Лир, ты не сотурион.

– Я дочь двух аркасвимов, Верховного лорда и Верховной леди Бамарии.

– А люди недовольны своим Верховным лордом, что делает их недовольными тобой. Лир, остановись. Ты доказала свою правоту. – Его лицо исказила мука. – Я не позволю тебе уйти.

– Ты не можешь меня остановить. – Я вышла из паланкина, сделав знак сопровождающим Тристана следовать за мной. – Дайте пройти.

Сопровождающая нас охрана кивнула, уже обнажив посохи, и толпе передо мной, к большому ее неудовольствию, пришлось расступиться, чтобы освободить дорогу. Бабушка Тристана не доверяла сотури, поэтому полагалась только на самых искусных магов для защиты. В тот момент я была благодарна за это.

– Лир! – закричал Тристан, выскакивая за мной из паланкина.

Я ускорила шаг и направилась по своему импровизированному проходу, дойдя до центра. Шок от того, что девушка вот так просто проталкивается в первые ряды драки, заставил часть толпы замереть и наблюдать за мной. У меня сердце замерло от такого внимания.

Я увидела молодого человека, все еще окруженного, уворачивающегося от ударов и пинков, в то время как нападавшие, хмыкая, смыкались вокруг него. Он упал, ударившись лицом о стеклянный пол над водным каналом.

– Остановитесь! Немедленно отпустите его.

– По чьему приказу, девочка? – ухмыльнулся один из сотурионов, наблюдая за мной.

– По моему. Вы находитесь на улицах Уртавии, в Бамарии, которой правит Аркасва Бамарии. У Ка Кормака здесь нет никакой власти. А теперь проваливайте и отпустите его. Я приказываю вам.

Толпа рассмеялась над моим приказом. Сотури были настолько удивлены, что прекратили драку. Когда парень вскочил на ноги, его взгляд остановился на мне. Его глаза были ярко-зелеными, и на секунду у меня перехватило дыхание, а сердце замерло. Я узнала эти глаза, этот оттенок зеленого. Я видела их в своих снах в течение многих лет.

Время остановилось, я танцевала под звездами, глядя в эти глаза.

Райан. Райан был здесь.

В его глазах вспыхнуло узнавание, он пробежался по мне взглядом с головы до ног, а затем остановился на моем лице. Одна темная бровь опустилась, а губы изогнулись в улыбке.

– Привет, возлюбленная.

Я замерла на месте, сердце бешено колотилось.

– Отправляйся домой, девочка, – крикнул сотурион. – Ашера. – Грубым жестом он указал себе между ног.

– Ты тупица! – Я сделала глубокий вдох и, прежде чем у меня сдали нервы, откинула капюшон. Мои волосы рассыпались по плечам длинными буйными волнами. Мгновение

назад темно-каштановые пряди, теперь они вспыхнули на солнце, став безошибочно яркими, огненно-рыжими. Красный цвет Батавии.

Толпа притихла, и сотури замерли. Несколько люмерианцев, стоявших рядом со мной, попятись назад, склонив головы, а затем упали на колени.

– Я леди Лириана Батавия, Наследница Аркасы, Верховного лорда Бамарии. И вы сейчас же отпустите его.

Глава 6

Мой приказ ошеломил сотури, и пока они изумленно пялились на меня с отвисшими челюстями, я судорожно обдумывала, что сейчас увидела.

Силы Люмерии, что Райан тут делает? Или, точнее, что его светлость лорд Райан Харт, Престолонаследник, тут делает?

Лорд Райан был родом с севера, противоположного конца Люмерианской империи. Его отец являлся не только Аркасвой Харт, Верховным лордом Глемарии, он также являлся Наместником Северного полушария и обладал такой же властью и жестокостью, как и Наместник Кормак.

Ка Кормак был самым жестоким из кавимов на юге. Наместник Кормак, источник моих ночных кошмаров, правил своей страной железной рукой, которой он замахнулся на мою страну и на Джулс. Но ужасы, которые я слышала о Кортерии, стране Ка Кормака, были ничем по сравнению с жестокостями в заснеженных горах Глемарии, о которых шептались и откуда был родом Райан.

Студенты их Академии Сотурионов часто погибали на тренировках или получали увечья, из-за чего им приходилось оставить обучение. Год назад распространились слухи о том, что Райан голыми руками убил сокурсника во время турнира в честь дня рождения своего отца, Наместника.

Дважды лорд Райан посещал Крестхейвен, сопровождая Наместника Харта в деловых поездках по государственным делам. Первый раз в течение всего лета, когда мне было семь, а второй – на месяц, как раз перед тем, как мне исполнилось шестнадцать. В то первое лето он в основном слонялся по крепости, выглядел слишком красивым себе же во вред и сходил с ума от скуки. Он не обращал никакого внимания на все наши с сестрами попытки быть дружелюбными, мрачно усмехаясь всякий раз, когда мы здоровались или садились ужинать.

Казалось, что раз в два дня его отец грозно требовал, чтобы Райан пришел на какое-нибудь государственное совещание, или ругал его за одну из многочисленных драк, которые тот затевал. Я чувствовала снежную бурю гнева Наместника с другого конца Крестхейвена. В первый их приезд я боялась, что его отец своим гневом разрушит Крестхейвен до основания, пока Джулс не заверила меня, что ауры не обладают такой силой.

Но когда Райан приехал с визитом во второй раз, ему было девятнадцать, и он только начал свое обучение в качестве сотуриона. Меня просто загнипотизировали его глаза, такие яркие, такие зеленые, похожие на сверкающие изумруды. Тогда он тоже был холоден, полон сарказма и ехидства. Но тот визит совпал с празднованием летнего солнцестояния, и в итоге мы вместе потанцевали под звездами. Когда его руки крепко обнимали меня, пальцы переплелись с моими, наши ладони прижимались друг к другу, и он казался другим. Милым. Почти чутким. Когда танец закончился, держась за руки, мы исчезли в лесу. Я прислонилась спиной к солнечному дереву, и там он поцеловал меня, неспешно и с такой удивительной нежностью. Равнодушная холодность, которую он напускал на себя, полностью исчезла, когда он обнял меня так, словно я драгоценность. В тот украденный момент он был таким ласковым. Это был мой первый поцелуй.

Райан почти не изменился, немного повзрослел, возмужал, его челюсть стала более квадратной и обросла щетиной. Но было одно заметное отличие. Красный уродливый шрам пересекал его левую бровь и глаз.

– Shekar arkasva! Дочь самозванца! – донесся крик из толпы, отвлекая меня от пристального взгляда Райана. В ответ прозвучали одобрительные возгласы, прокатившиеся по толпе подобно поднимающейся волне.

Свирепые сотури злорадно ухмыльнулись, оскалив зубы. Они понимали толпу так же хорошо, как и я, и было очевидно, что произошло. Ни Ка Кормак, ни Ка Батавия в тот момент не пользовались популярностью в Бамарии. Но в состязании за то, кто наименее популярен в ту самую секунду, я проиграла ублюдкам из Ка Кормака. Рыкнув в мою сторону, они возобновили драку. Путь, который сопровождающие Тристана освободили для меня, начал сужаться. В одну секунду Тристан стоял прямо у меня за спиной, а в следующую – десятки людей окружили нас.

– Лир! – Тристан проталкивался сквозь толпу, пытаясь добраться до меня, оставшаяся с ним охрана следовала за ним, обнажив посохи. – Лир!

Но через несколько секунд я уже не видела его. Я едва могла дышать, когда толпа приблизилась, воняя немытыми телами. Пот смешивался с отвратительно пахнущими травами из браслетов, отгонявших акадимов. Тошнотворный запах душил меня, обволакивая с головы до ног.

Защищаясь, я вскинула руки, но их оттолкнули по сторонам. Масса тел обрушилась на меня, повалив на спину. Пожилой мужчина упал сверху, придавив рукой мою грудь. Я задыхалась, хватая ртом воздух, и колотила его, чтобы он слез. Но кто-то другой навалился на него сверху, зажав мои руки. Я запаниковала, дыхание участилось, и мороз пробежал по коже. Мне казалось, еще немного – и меня растопчут, вокруг все рушилось. Я не могла дышать...

А потом... давление ослабло. Тела, прижимавшие меня, разлетелись по сторонам. Я жадно вдохнула появившийся воздух и наполнила им легкие. Рядом стоял Тристан, одной рукой он тянулся ко мне, а другой обхватил свой посох, сдерживая толпу. Какой-то мужчина бросился на нас, и одним движением запястья Тристан откинул его назад, затем притянул меня к себе, и его посох испустил белый свет, который накрыл нас куполом. За ним сверкала защитная стена из серебра. Сопровождающие его маги также выставили свои посохи позади нас, укрепляя купол Тристана дополнительными магическими щитами.

Я крепко сжала руку Тристана и встала.

– Лир! – произнес Тристан сдавленным шепотом. Он отстранился и внимательно осмотрел мое тело, пока удерживал защитное заклинание вокруг нас. – О Боги, Лир. Я мог тебя потерять. Ты ранена?

– Нет, не ранена. Просто удивлена, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. По привычке, поскольку уже научилась скрывать свои раны, полученные от Миры, я вывернулась из его рук. Мое колено подогнулось, но я взяла себя в руки, чтобы выглядеть сильной. В глубине души я хотела броситься обратно в паланкин и вернуться домой в Крестхейвен, но, услышав, что драка продолжается, моя кровь вскипела. Я зашла так далеко и теперь, увидев Райана, не собиралась уезжать без него.

Их было пятеро против одного, но, присмотревшись повнимательнее, я увидела, что Райан не защищался. Он напал, сбив с ног двух волков, и уже кружил вокруг третьего. Это были посвященные сотури, самые выносливые воины в Люмерии, достаточно умелые и сильные, чтобы убить акадима. И Райан, который был вдвое моложе, одерживал верх.

Быстрым движением Райан сбил стоявшего перед ним сотуриона с ног, и тот потерял сознание. Лица двух оставшихся сотури покраснелись. Тот, что стоял ближе, схватил Райана за руки сзади, поворачивая его лицом ко мне. И мы встретились взглядами.

Мое сердце бешено заколотилось, и я шагнула вперед.

– Я сказала, отпустите его. Вы незаконно удерживаете его светлость, лорда Райана Харта, Престолонаследника Аркасы, Верховного лорда Глемарии, Наместника Севера.

Тристан напрягся рядом со мной. Я практически чувствовала, как он окидывает взглядом растрепанный вид Райана и приходит к выводу, что он не похож на лорда и наследника.

– Черт... Лорд Райан? Лир, он опасен.

– Это неправда, – возмутилась я. – Я его знаю.

– Как и я, – мрачно ответил Тристан.

Соблюдая принятые нормы, Райан поклонился с элегантностью, присущей только тем, кого готовили стать Верховным лордом.

– Леди Лириана Батавия, наследница... – Он выпрямился, небрежно взмахнув рукой. – Что ж, мы все знаем, кто вы, ваша светлость. Я надеялся увидеть тебя! Хотя и не ожидал, что это произойдет на улице. И пока мы обсуждаем звания, я должен сообщить тебе об ошибке, которую ты допустила в отношении моего. – Он поморщился. – Теперь я просто Райан.

– Ты глупая девчонка, – крикнул сотурион.

– Я полагаю, ты неправильно произнес «ваша светлость». – Я сжала руки в кулаки.

Сотурион усмехнулся.

– Это грифинье дерьмо – отверженный, ваша светлость. Вы знаете закон. Отверженные должны быть наказаны при пересечении границ Люмерианской империи. Особенно этот. Мы вершим правосудие.

– Ты сторожевой пес, а не судья! И сейчас ты на моей земле, где я Наследница. Только Совет Бамарии может вершить над ним правосудие.

– Сторожевой пес! – зарычал сотурион, усиливая хватку. Его взгляд скользнул мимо меня, и я поняла, что он задумал. Но я была быстрее.

Прежде чем он успел обратиться к толпе, я крикнула:

– Любой отверженный, который приходит в эти земли, может сначала попросить убежища у Аркасы Батавии. Помилование может быть даровано, особенно в такой святой день, как праздник Ориэла! Как Наследница, я обязана доставить его моему Верховному лорду. У бамарийцев по-прежнему развито чувство справедливости, и я не отступлюсь от этого. – Я понизила голос. – У вас здесь нет никакой юрисдикции. Теперь, если ты не хочешь, чтобы тебя самого сочли отверженным и доложили твоему арктуруону, то отдашь его мне.

– Лир, нет! – закричал Тристан позади меня, когда я шагнула вперед, оставив позади его защитную магию, взяла Райана за руку и притянула к себе.

Схвативший его сотурион слишком удивился, чтобы удержать Райана. В этом заключалась проблема с волками, они всегда недооценивали бамарийцев. И женщин.

– Seriously? Что ты... – заговорил Райан.

– Как вам будет угодно, ваша светлость! – крикнул сотурион. – Это дерьмо убило свою мать.

Райан напрягся, застыв на месте, и мне пришлось буквально тащить его вперед. Он повернулся и плюнул в сотуриона.

– Следующим я убью тебя, – прорычал он.

Толпа снова надвигалась на меня, но на этот раз я действовала проворнее. Сопровождающие Тристана маги открыли для меня проход, через который я протащила Райана в купол защитного света. Я все еще крепко сжимала его руку, когда мы оказались в безопасности.казалось, мы словно вышли на свежий воздух. Воздух, пропитанный яростью Тристана. Его аура выплескивала волны гнева, которые проникали в защитный купол.

– Лир, – прошипел Тристан. – Это плохая идея. Он отверженный.

– Он – Наследник, – огрызнулась я. Но сама уже начала сомневаться в своих действиях.

– Прошу прощения, – сказал Райан. Он говорил с легким северным акцентом, которого я им не являюсь, и ко мне нельзя обращаться как к таковому. Я действительно отверженный, как лорд, э-э-э... извините... – Райан замолчал и скривился, глядя на Тристана. Наконец его взгляд упал на кольцо Тристана, и он ухмыльнулся. – Ах, конечно. Весь в серебре. Я тот, кем меня называет лорд Грей. Отверженный ублюдок, к вашим услугам. – Он низко поклонился, но грациозное движение не вязалось с его словами и внешностью.

Я сердито посмотрела на него.

– Кем бы ты ни был, ты едешь со мной. И точка. – Я взяла Тристана за руку. – И ты тоже, лорд Грей. – Я потянула их обоих обратно к паланкину.

Мы задернули полог и расселись порознь, напряженно переводя взгляды друг на друга. Снаружи толпа все еще кричала, но их крики звучали отдаленно и нечетко благодаря сияющему защитному куполу, который охрана Тристана продолжала удерживать вокруг нас. Тристан снял свое заклинание с купола, но все еще направлял посох на Райана, целясь ему в горло.

– Ты ведь понимаешь, что я не доверяю тебе, – сказал он.

– Оставайтесь со своей игрушкой столько, сколько захотите, лорд Грей, – улыбнулся Райан.

Тристан сверкнул глазами, но переключил внимание на меня, держа свой посох уверенной рукой, как нож. Райан закатил глаза от этого защитного жеста, но теперь гнев Тристана сосредоточился на мне.

– Что ж, Лир, на случай, если тебе интересно, твой план не привлекать к себе внимание блестяще сработал. С таким же успехом ты могла бы забыть о плаще и надеть вместо него свою диадему. В следующий раз возьми с собой сотуриона Маркана и всю личную охрану Аркасвы. Может, стоит еще держать в руках флаг и маршировать за вереницей музыкантов. Я найму кого-нибудь, кто выпустит фейерверк с твоим именем.

– Хватит, я поняла. – Я откинулась на подушки.

Райан заерзал на месте, повернув свои колени ко мне.

– Ого, так это ты старалась не привлекать к себе внимание? – Он приподнял одну бровь, ту, что без шрама. – Мне стоит попросить у тебя совета на будущее, как это делать, учитывая, что я безнравственный преступник, скрывающийся от закона, Наместника и всего прочего. Я-то думал, что было бы лучше не выкрикивать свое имя и титул толпе, от которой ты пытаешься спрятаться, но откуда мне знать? Пожалуйста, просвети меня.

– На твоём месте я бы помолчал. – Тристан склонил голову набок, придвинувшись ко мне. – Мы только что спасли твою жизнь. – Он поднял посох к шее Райана, намекая, что может покончить с этим.

– Спасли меня? От чего? От этих щенков Кормака? – Райан скорчил гримасу и откинулся назад, невозмутимо отодвинув посох Тристана в сторону. – Я не люблю, когда что-то направлено мне в шею, если ты не возражаешь.

– Возражаю.

Райан ухмыльнулся.

– Уверяю тебя, отсюда твоя угроза так же сильна... Если только твоя магия не распространяется всего на несколько дюймов?

Тристан сердито посмотрел на него, но отдернул руку, крепче сжав посох.

– В любом случае, – продолжил Райан, как будто мы старые друзья, которые вели непри-
нужденную беседу, – возможно, ты не рассмотрел из-за своего вычурного полога, но у меня все было под контролем.

– И эти щенки уложили тебя на спину, – усмехнулся Тристан.

– Их было пятеро против тебя одного. – Я подалась вперед.

Райан закатил глаза и ухмыльнулся.

– Типичное невежество мага, без обид. Но пятеро на одного – это стандарт для сотуриона. Я тренировался с более сильными противниками еще до того, как научился бриться.

– Сильнее, чем тот, которого ты убил во время турнира в честь твоего отца? – поинтересовался Тристан.

– Сильнее, чем ты представляешь себя в своих мечтах, – ответил Райан низким голосом, его аура пульсировала теплом, которого я не ожидала от кого-то столь хладнокровного. – Тебе действительно не стоило беспокоиться. Я мог одолеть их всех, если бы захотел. Но в отличие от тебя, – он медленно отодвинул в сторону посох Тристана, который снова нацелился в его

шею, – я на самом деле пытался не привлекать к себе внимание. Еще несколько минут, и я бы им надоел.

– И своим гениальным планом дожидаться, пока это случится, – произнес Тристан, – ты привлек толпу.

– Ну, – пожимая плечами, ответил Райан, – не могу сказать, что мне удалось осуществить все свои планы. Это очевидно, поскольку я отверженный и все из этого вытекающее.

Он прищурил правый глаз, в то время как левый со шрамом оставался неподвижным. Шрам все еще был красным. Я задалась вопросом, давно ли он его заработал. Как будто заметив, что я разглядываю его, Райан взъерошил свои кудри и надвинул их вперед, закрывая самую верхнюю часть рубца. Значит, он стыдился его. Странно, большинство сотури выставляли напоказ свои боевые ранения.

– А то, что случилось с твоей матерью, тоже было последствием твоего плохого планирования? – спросил Тристан.

Зарывав и замахнувшись, Райан вскочил со своего места, затем спохватился и откинулся на спинку скамьи. Волна жара от его ауры пригвоздила меня к месту.

Тристан мгновенно вскочил на ноги, красная вспышка света вырвалась из его посоха и прижала Райана к стене.

– У меня сейчас сильное желание выбросить тебя из этого паланкина и позвать Ка Кормака.

– Но ты этого не сделаешь, – сквозь зубы процедил Райан. – Потому что она желает моего присутствия здесь.

– Ты очень уверен в себе для человека, находящегося в бегах от своего собственного Ка и страны. Не забывай, что прямо сейчас твоя жизнь в моих руках.

Райан скрестил руки на груди.

– Ты и двух футов не прошел без своей охраны, лорд Грей.

– Я только что обезвредил ворок. – Тристан кипел от злости.

Я напряглась. Райан тоже замер. Его глаза потемнели, и он внимательно наблюдал за Тристаном.

– Я видел. Очень храбро с твоей стороны поймать слабую девушку.

– Ты ведь никогда не видел, как убивают вороки? – огрызнулся Тристан. – Ты никогда не видел, как это существо разрывает кого-то на части, отрывая конечность за конечностью. Не видел насилие и безумие, которые вспыхивают подобно буре.

Я впила пальцами в бедро. Я видела это, ощутила на себе этим утром с Мирой. Моя спина все еще болела в том месте, где она расцарапала меня до крови. Руки тоже болели.

– Ты понятия не имеешь, что я видел, – возразил Райан. – Достаточно, чтобы превратить небольшую операцию твоей семьи по охоте на вороков в шутку, каковой она и является.

– Достаточно! – крикнула я, чувствуя подступающую тошноту. – Это не состязание на звание самого стойкого лорда!

– Прошу прощения, – произнес Райан, теперь его взгляд был устремлен на меня. – Меня воспитывали как благородного отпрыска, где же мои манеры? Ваша светлость, я действительно очень рад снова видеть вас. – Он наклонился вперед, выражение его лица внезапно стало серьезным, одна бровь приподнялась, а уголки рта изогнулись почти в улыбку. – Вы хотите, чтобы я использовал ваш полный титул?

– Думаю, мы выяснили, кто я такая, – сухо ответила я. Я ясно дала это понять всей Уртавии.

Тень улыбки промелькнула на губах Райана, когда его зеленые глаза вернулись ко мне.

– Сколько времени прошло с тех пор, как я видел самую молодую из рода Батавии... десять лет?

– Три! – возмутилась я более высоким голосом, чем намеревалась.

Райан почесал подбородок, его пристальный взгляд блуждал по моему телу.

– Но ты была ребенком.

– В твой первый приезд! – Я сердито посмотрела на него. – Но в прошлый раз мне было почти шестнадцать. С чего бы еще тебе называть меня тогда... – Я замолчала, мои щеки вспыхнули.

– Называть тебя как? – лукаво переспросил Райан, приподняв одну бровь.

– Партнером, – пробормотала я, слишком смущенная, чтобы бросить ему вызов, и непрерывно остро ощущая на себе пристальный взгляд Тристана. – Ты называл меня партнером.

– Ты это услышала? – спросил он.

Моя грудь вздымалась.

– Разве не это ты говорил? – с вызовом спросила я, затаив дыхание.

Он пристально посмотрел на меня изумрудными глазами, как будто состыковывал свои воспоминания с моей нынешней внешностью. Его губы растянулись в кривой ухмылке. Вспомнил ли он меня? Вспомнил тот танец? Он не мог его забыть, если только... неужели он перепутал меня с кем-то другим?

Я прикусила губу, глядя на него, внутри меня бушевала буря эмоций. Я хотела, чтобы он снова сказал «возлюбленная», хотела доказательств того, что он помнит меня – помнит наш поцелуй. Но мне так же отчаянно хотелось, чтобы он сказал «партнер».

– Партнер, – улыбаясь, ответил он. – Потому что мы были партнерами по танцам. В тот вечер.

– В-верно, – запнулась я, снова вернувшись в тот вечер летнего солнцестояния. Рука Райана на моем бедре, его губы касаются моих, пробуя меня на вкус, он стонет мне в рот, когда поцелуй углубляется, и я притягиваю его ближе.

Сейчас он сидел напротив меня в черных кожаных сапогах до колен, которые переходили в гораздо более мускулистые бедра, чем я помнила. Его черные доспехи пересекал обычный ремешок для клинка, только толще, чем у моего Ка. Он прикрывал его символ – серебряные крылья грифина. Зеленый плащ сотуриона был изорван и покрыт грязью, свидетельствуя о том, что жизнь Райана была суровой. Ботинки, слишком теплые для южного лета, также служили доказательством этого – он не мог позволить себе даже сандалии. Его золотисто-каштановые кудри нуждались в мытье и стрижке, они спадали на лоб слишком длинными прядями, что шло вразрез с требованиями для сотуриона. Темная щетина покрывала щеки и подбородок, как будто Райан не брился несколько дней. Вблизи он выглядел еще старше, черты его лица были слишком резкими для двадцатидвухлетнего мужчины. Все это и шрам составляли главные изменения. Но даже с этими изменениями... О Боги, он был прекрасен.

Он приподнял свою неповрежденную бровь. Во взгляде зеленых глаз читалась та же напряженность, как и в тот вечер, и у меня перехватило дыхание. Сердце затрепетало, и тепло разлилось по всему телу. Он назвал меня возлюбленной.

Лжец.

– Что случилось с твоим лицом? – прямо спросил Тристан.

Райан моргнул, его глаза приобрели сероватый оттенок, когда он отвел от меня взгляд.

– Это, – ответил он, – долгая история. Тебе тоже придется рассказать историю об одном из твоих шрамов.

Тристан с любопытством приподнял брови. Учítывая, что его действия выглядели театрально, я задалась вопросом, не специально ли он это сделал. Райан, казалось, не мог пошевелить левой бровью.

– Ты можешь видеть левым глазом? – поинтересовался Тристан.

Райан кашлянул и перевел взгляд на Тристана, затем снова на меня, словно доказывая, что у него отличное зрение.

– Я прекрасно вижу. Травма, увы, поверхностная.

– Увы, – повторил Тристан с северным акцентом.

Я пихнула его локтем в ребра.

– Он убийца, – прошептал Тристан мне на ухо, сжимая мою руку. Райан прищурился, заметив, как Тристан касался меня. – Он убил свою мать, вот почему он отверженный.

Я тяжело задышала, разволновавшись, что совершила серьезную ошибку – в конце концов, я на самом деле не знала Райана. Мы всего лишь потанцевали вместе. Однажды. И поцеловались. Однажды. Но я была слишком упрямой, чтобы отказаться от своего решения. В худшем исходе Тристан ловко управлял своим посохом, а четверо сопровождающих нас магов находились снаружи паланкина, готовые по первому зову прийти нам на помощь.

– Итак, вы двое? – спросил Райан, многозначительно глядя на мою руку. – А где кольцо?

– Мы не помолвлены, – ответила я.

– Пока, – яростно добавил Тристан.

– А почему? Уже прошло... сколько? Три года? – невинно спросил Райан.

– Два, – ответила я. Три года назад я целовалась с Райаном.

Райан нахмурился.

– Что за сомнения? Боишься, что она слишком умна и красива, чтобы ответить «да»?

– Я собираюсь сказать «да», – огрызнулась я.

Райан откинулся на спинку скамьи со сдержанным выражением лица.

– Это было довольно резкое «да». Лорд Грей, вам стоит задуматься, если возмущение слишком громкое, значит, что-то назревает.

– Мы ожидаем ее церемонии Обретения, тупица. Хотя это совершенно не твое дело.

– Дела государственные – это дела каждого, – растягивая слова, произнес Райан. – Но раз уж мы затронули эту тему, какой путь вы выберете сегодня вечером, ваша светлость?

– Мага, – ответил Тристан вместо меня.

– Да ну, – сказал Райан. – Я и не знал, что вы должны участвовать в сегодняшней церемонии, мой господин. Я полагал, вы мой ровесник.

– Она выбирает путь мага. – Шея Тристана покраснела.

– Думаю, что мой партнер может сам за себя ответить, – сказал Райан.

– Я собираюсь выбрать путь мага, – процедила я сквозь зубы.

– Как и твой жених, – продолжил Райан. – Прости... почти жених. Ты уверена, что не хочешь быть сотурионом?

– Лир предначертано гораздо большее, чем просто бить людей по лицу и отжиматься.

– Ты прав, – весело согласился Райан. – Твои слова в точности подытоживают то, что делают сотури, лорд Грей. Возможно, если бы меня не били по лицу так часто, я бы вспомнил твое имя, когда увидел. – Он снова закатил глаза и отчужденно отвернулся к окну, словно надев броню.

Паланкин замедлился и остановился. Мы достигли границ Уртавии и вылезли в бухте серафимов. Мой серафим присел, пропуская нас в свой украшенный голубыми драгоценностями экипаж.

Тристан помедлил, когда мы забрались внутрь. Казалось, он считал, что Райан, будучи отверженным, должен сидеть за перегородкой с охраной, словно заключенный. Но так ли это? Он был отверженным, и я, третья в очереди на правление Бамарией, приказала ему отправиться со мной в Крестхейвен. Но в то же время он был наследником Верховного Лорда и Наместника. Или когда-то им был. И у него все еще оставалось право на неприкосновенность в соответствии с законами Бамарии, особенно сегодня, даже если... даже если слухи окажутся правдивы. Райан вел себя грубо, сдержанно и замкнуто во время своих визитов, за исключением того вечера, когда мы танцевали. Но был ли он способен на убийство? Я решительно задвинула перегородку за сопровождающими, и мы втроем остались сидеть в неловком молчании. Все это время Тристан держал посох направленным на Райана.

Когда мы прибыли в крепость, хранители времени огласили очередной час. По всему небу разноцветными огнями переливались гривы лошадей-ашван, пока они описывали круги над Бамарией. Когда мы вошли в стены Крестхейвена, над нами нависла тень.

Стремительный быстро шагал по водному каналу, чтобы поприветствовать нас, красный плащ арктуриона развевался у него за спиной, а традиционные золотые доспехи Ка Батавии покрывали торс. На плечах броня была выполнена в виде заостренных перьев серафима, которые сверкали на солнце, ослепляя всех вокруг. Свое суровое лицо в обрамлении коротко стриженных густых черных волос он опустил вниз.

Арктурион Эмон Мелвик командовал армией Бамарии и имел репутацию самого смертоносного воина в Люмерии. Все называли его «Стремительным» с тех пор, как много лет назад он в одиночку подавил восстание против моего отца на улицах. Он добавил атмосферы суровости его правлению. Но прямо сейчас эта суровость была направлена на меня. Резко ударив кулаками по своей броне, он приказал мне выйти вперед.

– Арктурион Эмон, – произнесла я, пытаясь оценить, насколько сильно мне попадет. Я улизнула в город без сопровождения, нарушив запрет, и вдобавок к этому приняла в дар украденный бесценный люмерианский артефакт для своей личной коллекции, публично отчитала солдат иностранных сотури, была окружена и едва не растоптана безумной толпой... и привезла домой отверженного с другого конца империи, который, возможно, виновен в убийстве.

Темные брови Эмона сошлись на переносице, придав его лицу убийственное выражение, которым был так знаменит Стремительный. Его аура изливалась черным клубящимся туманом, темным и бесконечным, как ночь, потрескивая крошечными искорками. Становясь Стремительным, он превращался в бога Смерти, и его аура вспыхивала достаточно сильно, чтобы все знали об этом. Подобно тому, как это происходило сейчас.

У меня большие неприятности.

– Проклятье Ориэла, – прорычал он. – Вы улизнули. Сегодня. О чем вы только думали?

– Я-я просто... – пробормотала я, когда его взгляд скользнул по моему измятому плащу. Он порвался, когда я упала, и на платье виднелось довольно много странных пятен. Проклятие Ориэла! Я попыталась спрятать свою сумку между складками платья, молясь всем богам, чтобы он ее не заметил. – Ка Кормак устраивает хаос в Уртавии, делая все, что им заблагорассудится, – парировала я.

Рука Эмона небрежно покоилась на рукояти меча звездного огня, сверкавшего на солнце на фоне его красного плаща.

– Да что вы об этом знаете?

– Много чего. Вместо того чтобы патрулировать, они устраивают драки на улицах. Они напали на лорда Райана Харта, Престолонаследника Аркасвы, Верховного лорда Глемарии, Наместника Севера.

– Честно говоря, – вмешался Райан, – я ценю то, что ты пытаешься сделать, партнер, но этот титул чрезвычайно длинный. И устарел.

Он посмотрел на меня, а я сердито посмотрела в ответ.

– Сотурион Райан теперь отверженный, – рявкнул Эмон. – Естественно, они напали на него.

– Это моя вина, арктурион. – Райан шагнул вперед, низко кланяясь. Грация в его движениях абсолютно не вязалась с его порванной одеждой. – Мне следовало спрятаться получше.

Тристан выглядел испуганным.

– Арктурион, вы знали, что отверженный находится в пределах наших границ?

– Конечно знал. Он находится здесь под моей защитой уже неделю.

Неделю! Целую неделю он находился на землях Крестхейвена? Как же я не знала об этом?

– И, конечно же, Ка Кормак разжигают беспорядки – это их обычное занятие, – продолжил Эмон. – Сотурион Райан прибыл сюда, чтобы просить приюта на сегодняшней церемонии

Обретения. – Он замолчал и задумался, снова став больше похожим на Эмона. – Иди. Тебе нужно привести себя в порядок. Теперь уже пошли слухи, но в этих стенах ты в безопасности. Оставайся в укрытии до наступления темноты. – Взгляд Эмона снова упал на меня, полный обвинений. Он полез в свой кошелек и достал маленькую золотую монету со своим изображением. – Пока что тебе лучше сменить место жительства. Отдай это у дверей гостевого дома.

– Да, Арктурион Эмон. – Райан принял монету и снова поклонился. – Благодарю вас за ваше гостеприимство. – Он снова повернулся ко мне, взял мою руку и прикоснулся к запястью своими чувственными губами в долгом поцелуе, от которого у меня по коже побежали мурашки. Это ощущение почти шокировало меня. На этот раз не было ни чувства отвращения, ни желания отстраниться, ни необходимости уговаривать себя на его прикосновения, как обычно было с Тристаном. Райан отпустил мою руку, но продолжал пристально на меня смотреть. – Очень рад снова видеть вас, ваша светлость. Ой, и вас, лорд Грей. – Он слегка поклонился.

– Лорд Тристан Грей, – огрызнулся Тристан.

Райан кивнул с чересчур серьезным выражением лица.

– Из самого благородного и беспощадного Ка, охотящегося за вороком! – Он натянул на голову капюшон и, отойдя на несколько шагов по водному каналу, исчез среди деревьев, замаскировавшись магией своего плаща сотуриона.

Руки Тристана сжались в кулаки, но он вложил свой посох обратно в ножны.

Эмон снял с пояса вадати и поднес его к губам.

– Итон. – Дым клубился внутри прозрачного лунного камня, который светился голубым. – Она дома.

Лорд Итон Изера, двоюродный брат моего отца, служил в Совете в качестве Магистра Кавалерии, второго по рангу после отца. Дерьмо. Если Эмон говорил с Итоном обо мне, то мое отсутствие заметили. Сегодня вечером меня определенно ждали последствия.

– Хорошо. Я предупрежу остальных, – донесся из камня голос Итона. Голубой свет померк, и вадати снова стал мутно-белым. Эмон осторожно вернул камень в карман на поясе. Только несколько десятков пар камней вадати пережили Потоп, и Совет вел их строгий учет, закрепив только за самыми могущественными из двенадцати правящих кавимов. Я робко потрогала мешочек с моим ожерельем от Рамии. Если бы Совет узнал, где она его нашла до того, как отдала мне, нас обоих привлекли бы к ответственности.

– Сможете ли вы избежать дальнейших неприятностей до церемонии Обретения, ваша светлость?

У меня внутри все сжалось. Мне почти удалось забыть, что она состоится всего через несколько часов.

– Лорд Тристан, – обратился к нему Эмон, – я слышал, вы задержали преступника. Спасибо вам за содействие.

Тристан вежливо кивнул.

Эмон поклонился и ушел, оставив все еще раздраженного Тристана наедине со мной.

Я притянула его в объятия и поцеловала. Он первым прервал поцелуй, вздохнув и обняв меня.

– Прости, – сказала я, внезапно забеспокоившись, что все испортила. Что со мной сегодня не так? Я вела себя безрассудно. Сначала с ожерельем, потом оплакивая девушку с вороком, которую связал Тристан, а затем с Райаном, проклятье Мориэла. Я ведь отлично понимала, что поставлено на карту и какую роль мне предстояло сыграть. – Тристан, я не знаю, что на меня нашло. Мне так жаль.

Он покачал головой.

– Лир, все в порядке. Ты находишься под большим давлением.

Я прикусила губу, наблюдая за его глазами.

– Ты не изменил своего мнения насчет...

Он снова поцеловал меня.

– Никогда. – Его лицо смягчилось, он больше не злился.

Я почувствовала всю тяжесть этого момента. Возможно, сегодня мы провели последний день вместе, не будучи помолвленными. Я не знала, как скоро он сделает предложение, но почти не сомневалась, что его бабушка будет готова к соглашениям и переговорам на следующее утро. Если только... если только я не обрету воров. Тогда, вероятно, он сам спустится, чтобы связать меня. Я посмотрела на ножны у него на бедре, представляя, как он вынимает посох и направляет его на меня.

В одиночестве я вернулась в Крестхейвен, показав непристойный жест Маркану возле кустов, в которых, как я знала, он прятался. Из всех сил стараясь оградить себя от любопытных взглядов часовых, я пересекла Парадный холл и взбежала по лестнице. Моргана все еще находилась в комнате Миры, развалившись на ее кровати с бокалом вина в руке и полупустым графином на прикроватном столике. В губах у нее был зажат косячок из листьев лунного дерева. Она вытащила его изо рта, медленно выпустила клубы дыма и потянулась к открытому окну, чтобы стряхнуть излишки пепла.

Мира что-то яростно рисовала на своей стене, которая в течение последних двух лет превратилась в калейдоскоп красок. В одной руке она держала кисть, а в другой – посох. Таким образом она изгоняла видения из головы. Многие сцены были нарисованы поверх друг друга, в результате чего ее стена заполнилась разноцветными контурами.

Не глядя на меня, Моргана подняла свой бокал в знак приветствия. Она услышала меня, но по-прежнему была сосредоточена на картине Миры. Но когда Моргана взглянула в мою сторону, ее рот открылся. Она затушила свои лунные листья на осколке лунного камня на прикроватном столике Миры.

– Проклятье Ориэла! Они были? Подожди... что? Черт побери. Ублюдок арестовал еще одного.

Она копалась в моих мыслях, пытаясь узнать подробности моего приключения. Под действием лунных листьев это заняло у нее несколько мгновений. Никакое лекарство не облегчало ее боль от чтения мыслей. Спасало только притупление чувств, но это средство оставляло ее чаще всего истощенной и в состоянии наркотического опьянения. Наконец, Моргана покачала головой, понимая нахмурилась черные брови. Много произошло с нашей последней встречи. Она поставила бокал с вином на прикроватный столик.

Рука Миры застыла, когда она наносила последние штрихи на волосы девушки – девушки с ярко-рыжими волосами. Она взглянула на меня через плечо.

– Что случилось? Кто кого арестовал? И, пожалуйста, говорите вслух. – В ее голосе звучало раздражение. – Я слишком устала для монологов.

Я не могла ответить. Все мое внимание сосредоточилось на девушке, нарисованной на стене.

– Это что?..

– Ты? – Моргана прикусила губу. – Мы так думаем.

Я проследила за сценой, на которой изображалась я в темном лесу. Появился академ, раза в три больше меня во всех отношениях, черты его лица были резкими и ужасными. Его широкая пасть поглотила солнце, а затем открылась, чтобы выпустить луну. Мира нарисовала на моих руках черное оперение. На следующем рисунке я была уже не человеком, а серафимом, летящим под луной. Серафимом с черными перьями.

– Черный серафим? – Я почувствовала растерянность. – Я видела это изображение сегодня дважды. Сначала на флаге, а затем на брошках уличного торговца. Он пытался убедить меня, что это символ Ка Батавии. – В тот момент это казалось невинной ошибкой, но... три чернокрылых серафима за один день?

Мира побледнела.

– Но наши серафимы золотые. Что... что это значит?

– Не знаю... Моргс?

Моргана покачала головой.

– Я такого никогда раньше не видела. Черных серафимов не существует.

Я старалась подавить внутреннее волнение.

– Думаю, это важно. Первый человек, у которого я увидела этот символ, кричал «Shekar arkasva!».

– Аркасва самозванец. – Моргана прочитала в моих мыслях перевод. Она нахмурилась. – Я постараюсь прочитать мысли каждого, кто думает об этой фразе.

Я снова посмотрела на черного серафима на стене, а когда перевела взгляд на широкие мазки кисти, превратившие меня в черную птицу, то занервничала еще больше. На следующем сюжете я была объята пламенем. На последнем рисунке – снова мое изображение. Мира запечатлела точное сходство со мной – карие глаза, лицо в форме сердечка, крупный нос и ярко-рыжие волосы. Вместо рта зияла черная дыра, как будто я кричала.

Ахнув от неожиданности, я отступила в дверной проем. Выражение, которое она мне нарисовала, было идентично тому, которое я видела у Миры во время ее первого видения. Такое же лицо, как у Джулс. Я резко выдохнула, а сердце ухнуло в пятки.

– Лир? – В голосе Морганы звучала нежность. – Мы не знаем, значит ли это что-нибудь. Черный серафим или видение Миры.

– Они никогда ничего не значат, – печально добавила Мира, ее щеки были испачканы черной краской.

– Я знаю, что это ничего не значит, – огрызнулась я. – Черного серафима не существует!

Я захлопнула дверь и бросилась в свою комнату. Я наблюдала, как садится солнце, и желала быть обычной девушкой, которая празднует свой день рождения и церемонию Обретения. Но Джулс умерла, и все было плохо, и мне предстояло либо обручиться с мужчиной, которому я никогда не смогу доверять, либо потерять все, что пыталась с таким усилием защитить. Наши секреты хранились в тайне в течение двух лет, потому что я несла на себе этот груз. Я несла это бремя и заботилась о своих сестрах. Но боялась, что, если этот сценарий повторится... Ка Батавия станет новой страшилкой, которой пугают благородных детей.

У Миры и Джулс были видения. Ворок первого порядка. Моргана умела читать мысли – ворок второго порядка. По логике, я должна была обладать третьим, который проявлялся в передвижении в пространстве. По логике вещей, сегодня для нас должно было все закончиться. Мой отец смог скрыть два проявления ворока прямо под носом беспощадного Наместника. В третий раз нам такое не удастся. Нам не могло так повезти.

Я надела белый балахон, уложила волосы, закрепила золотую диадему на лбу, которая, казалось, давила на меня своей тяжестью, и в одиночестве ждала в своей комнате звона колоколов, который возвестит, что пришло время встретить свою судьбу.

Глава 7

Я сидела на полу в центре храма Зари рядом с остальными адептами, девятнадцатилетними жителями южной половины империи, которые сегодня должны были обрести свою магию. Двоюродная сестра Тристана Халейка пристроилась рядом со мной вместе с Галеном. Они продолжали украдкой бросать друг на друга взгляды и отводили глаза, чтобы не быть замеченными. В некотором роде это выглядело мило и при других обстоятельствах доставило бы мне огромное удовольствие болтать об этом всю ночь напролет.

Но сейчас я не могла думать ни о чем, кроме Джулс, сидевшей на этом самом месте два года назад. Она так волновалась, питала так много надежд... Тошнота подступила к горлу.

Я поймала взгляд Нарии, которая сидела на противоположной стороне обители Ориэла. Моя двоюродная сестра высокомерно задрала нос и вернула свое внимание светловолосому молодому человеку рядом с ней, будущему сотуриону, с такими же черными бездушными глазами, как у Наместника Кормака. Это был старший сын Наместника и Престолонаследник, лорд Виктор Кормак, внучатый племянник Императора.

Он перевел свой пристальный взгляд на меня. Его неожиданная дерзость не выдерживала сравнения с уровнем почтительного отношения, которое следовало проявлять к наследнице Аркасвы. Виктор, лорд и наследник Аркасвы, сам по себе превосходил меня по рангу, но не в моей собственной стране. Он один из немногих здесь обладал редкой привилегией носить на лбу диадему из темного серебра в форме волчьих когтей. Я свирепо смотрела на него, пока не поняла, что Наместник Кормак сидит на скамье прямо за ним. У меня в душе зародилась необъяснимая тревога.

Вечное пламя затрещало, снова вспыхнув оттенками зеленого, синего, фиолетового и белого, когда Архимаг Колайя взошла на помост. Ее белые одежды волочились за ней, а золотой пояс с семью лентами, на которых держались звезды Валалумира всех цветов, покачнулся, когда она села, сложив ладони вместе и произнеся заклинание. Свитки Валии, хранящиеся в стенах в отсеках-сотах, парили по воздуху по всем семи лучам храма, пока каждый присутствующий люмерианец не получил священный текст и не сел на место.

Я поправила свой балахон и поерзала на месте, поскольку никак не могла устроиться поудобнее. Из-за своих нервов я пропустила ужин. И теперь желудок урчал от голода.

Я обернулась, чтобы посмотреть на скамьи моей семьи. Мира с бледным лицом неподвижно сидела на своем месте. Моргана рядом с ней выглядела неестественно напряженной. За ужином она выпила три бокала вина и держала за поясом серебряную фляжку, полную ферментированного лунного чая. Но она продолжала хмуриться, ее лицо исказилось от боли, а диадема сползла на лоб. Моргана покачнулась, когда маг, женщина средних лет, неодобрительно посмотрела на нее. Я и раньше видела осуждающие взгляды, слышала язвительные комментарии о том, как, должно быть, тяжело нам жить в Крестхейвене, богатым наследникам Аркасвы. Какая жалость, что леди Моргана все это пропивала.

Эти сплетни задевали. Но лучше, чтобы люди считали ее пьяницей, чем узнали о ее вороке.

Ежегодные ритуальные песнопения Колайи о боге Ориэле, похитившем Валалумир с небес и изгнанном на Землю из любви к богине Ашере, умолкли. Свитки Валии свернулись и уплыли обратно в стены. Мой отец поднялся, прихрамывая, на помост, Лавр Аркасвы в его темных волосах отбрасывал золотые блики.

– Граждане Бамарии, мои братья-люмерианцы и гости, сегодня вечером, в покровительствующий и всепрощающий вечер праздника Ориэла, мы принимаем заблудшую душу в наше общество, – торжественно объявил он.

В зеленом луче храма распахнулись двойные двери. Двое сотури из Ка Батавии в золотых доспехах тащили Райана, словно пленника, вперед. Он по-прежнему был облачен в свои старые одежды и изодранный плащ, но выглядел чистым и свежесбрившимся. Его растрепанные кудрявые волосы были вымыты и в какой-то степени приведены в порядок. Солдаты, пройдя по одному из узких проходов между адептами, достигли центра Обители и подняли Райана на помост, заставив его опуститься перед всеми на колени.

Я видела, как лицо Тристана напряглось. Маги и сотури засуетились в каждом уголке храма, их шепот быстро перерос в ропот, эхом отражавшийся от стен.

– Его надо отволочь к границе, – раздался шепот у меня за спиной.

Я повернулась и впилась взглядом в девушку из Ка Элис.

– Ты не согласна с решениями твоего Аркасвы?

Съежившись, она прошептала:

– Нет. – И уставилась на свои руки. Я снова повернулась к отцу.

– С подобной просьбой к нам не обращались очень много лет. – Его голос перекрывал шум, но приглушенное роптание не прекращалось.

Колайя шагнула вперед, стукнув посохом по полу. В отличие от посохов других магов, ее возвышался на шесть футов в высоту, а на верхушке находился прозрачный кристалл кварца. Вспыхнул ослепительный белый свет, озарив весь храм.

Присутствующие затихли под влиянием ее магии. Она кивнула моему отцу, снова постучала посохом по полу, чтобы вернуть свет и украденный звук, и отступила назад.

– Конечно, – продолжил отец, – ваша память не настолько коротка, чтобы забыть благосклонность Бамарии. Отверженный может искать убежища у нас в день праздника Ориэла. – Он повернулся к Райану. – Пожалуйста, друг мой, расскажи нам, откуда ты родом.

Райан склонил голову.

– Я прибыл из Глемарии, которой правит его высочество Наместник Девон Харт. – Он говорил медленно, его мелодичный северный акцент звучал официально, свидетельствуя об аристократическом происхождении говорящего.

Мой отец улыбнулся.

– Мы приветствуем вас, лорд Райан Харт, престолонаследник Аркасвы, Верховного лорда Глемарии, Наместника Севера.

Приглушенные голоса теперь казались еще более возмущенными. Здесь находился изгнанный лорд севера! Престолонаследник собственной персоной. Что он делал на юге? Он убил другого студента на турнире. Убил свою мать. Он был неуравновешенным, опасным, безумным. И виновным. Убийцей. Иначе зачем он проделал такой долгий путь в поисках убежища?

– Благодарю вас, ваша светлость. Но теперь я просто Райан, – почтительно ответил он. – Сотурион-наставник. Ничего больше.

– Сотурион Райан, – произнес отец, – готов ли ты поклясться в своей верности и служении Ка Батавии в обмен на убежище и прощение?

В храме воцарилась гробовая тишина, когда Райан поднялся на ноги.

– Нет.

Шепот перерос в гневные крики и очередные призывы к его смерти. Райан имел право искать здесь убежища, но только в том случае, если сможет доказать свою значимость и принести клятву Ка Батавии. Чтобы избавиться от своего статуса отверженного в Глемарии, он должен был стать бамарийцем и присягнуть в верности Ка Батавии.

Стремительный поднялся на ноги, положив руку на рукоять меча. Аудитория притихла, когда он приблизился к Обители, его красный плащ арктуриона эффектно развевался у него за спиной. Он обменялся быстрым взглядом с моим отцом, а затем кивнул Райану, призывая его продолжать.

– Аркасва Батавии, – обратился Райан, – я пришел просить убежища и возможности закончить учебу. Взамен я предлагаю тебе свой меч и верность. Я хочу быть сотурионом Ка Батавии во всем, кроме имени, чтобы однажды вернуться домой и добиваться справедливости в Глемарии.

Гнев в зале стал осязаем. Даже несмотря на беспорядки, возникавшие в период правления моего отца, уважение, проявляемое к аркасве, было священным. Вдобавок, пока Стремительный стоял на помосте, поворачиваясь по кругу и осматривая каждый ряд семи лучей, в храме стояла тишина.

– Добрые жители Бамарии, разве вы не знаете, что мы все в долгу перед сотурионом Райаном? – Отец шагнул вперед, позволяя своим словам повиснуть в воздухе. – На прошлой неделе академ почти добрался до бамарийской границы. Мы благодарим Богов, что никто не пострадал, потому что академ был убит на месте, убит сотурионом с высоким уровнем подготовки. – Прихрамывая, он подошел к Райану с другой стороны и положил руку ему на плечо, поворачиваясь вместе с ним по кругу. – И сотурион, который убил зверя, – продолжил мой отец громче, – сотурион, который разделался с ним в одиночку, спасши многочисленные жизни бамарийцев, стоит здесь, рядом со мной.

Райан убил академика.

У меня отвисла челюсть. Я подумала о многих сотури, которым не повезло, которые бродили по улицам Уртавии без рук и ног и с лицами, навсегда обезображенными шрамами от когтей. Большинство из них не выжили, чтобы рассказать свою историю. Эти чудовища не просто убивали свою добычу. Они лакомились душами, высасывая их, и пили кровь своих жертв. Эти твари даже спаривались с ними – и не всегда в таком порядке. Счастливицков оставляли умирать. Те, кому не повезло, становились отверженными и сами превращались в академов.

Если Райан убил одного из них... Любой аркасва принял бы его с распростертыми объятиями, независимо от репутации. Но вместо того чтобы впечатлиться силой Райана, присутствующие начали еще больше возмущаться.

– А где были наши сотури? – раздался крик.

– Почему мы не предотвратили угрозу? – раздался другой.

Вопросы сыпались со всех сторон. Почему это доверили отверженному парню? Где был Стремительный? Почему наш военачальник не удосужился провести разведку на наличие такой угрозы? В безопасности ли вообще наши студенты? Если Ка Кормак находились здесь, чтобы защитить нас от подобных угроз, почему они не вмешались?

Колайя снова вышла вперед и подняла посох.

– Тишина! По приказу Сената и Императора Теотиса. – Наместник приблизился к Обители, его черно-золотые одежды волочились за ним, словно надвигающаяся тень. Прежде чем Колайя успела наложить еще одно заклятье, заставляющее замолчать других, в храме воцарилась тишина, и все взоры обратились к Наместнику.

– Арктурион Эмон, вы клянетесь, что этот отверженный убил академика? – спросил Наместник, недоверчиво приподняв брови.

Эмон нахмурился.

– Я видел, как он последовал за добычей. Я свидетельствую.

Наместник Кормак покачал головой.

– Но вы сами не видели, как он убил чудовище?

– Будь я рядом, не он убил бы академика. Я сделал бы это сам. – Голос Эмона помрачнел, как и выражение лица. Он больше не был Эмоном, Арктурионом и военачальником Бамарии. Он превратился в Стремительного, самого смертельно опасного воина в Люмерианской империи, богом Смерти. Его мощь пульсировала, окутывая храм тенями. Затем, так же быстро, темнота рассеялась.

Губы императора Кормака изогнулись в усмешке.

– Остается открытым вопрос о том, как акадим смог нарушить границы Бамарии, когда там не было ни одного сотури из Ка Батавии.

«Ни одного сотури Ка Кормака там тоже не было!»

– Как вы знаете, проводится тщательное расследование, – многозначительно отметил мой отец.

– Да, что ж, как бы ему ни повезло в том, что он в одиночку убил акадима, – продолжил Наместник полным скептицизма голосом, – ни один отверженный не может быть принят новым Ка, чем бы вы ни руководствовались, без поручительства кого-то из его родного Ка и страны. – Наместник бросил суровый взгляд на Райана. – Ты не на той стороне империи, парень. Боюсь, у нас здесь не так уж много северян.

– Я ручаюсь за него. – Сотурион, сидевший в зеленом луче, неожиданно встал и вышел в проход, чтобы все могли его видеть. У него были светло-каштановые вьющиеся волосы, как у Райана, только в них переливались седые пряди. – Я Сотурион Шон Ка Дроны в Бамарии. Но родился в Ка Харт. Я двоюродный брат Наместника Девона Харта. Этого для вас достаточно? – Он говорил с сильным северным акцентом.

Наместник коротко кивнул.

– Вы недавно женились и переехали в Бамарию?

Сотурион Шон поджал губы.

– Да, ваше высочество.

– Как кстати, – протянул Наместник. – Поздравляю.

– И, если вам угодно, ваше высочество, – вставил мой отец, – сотурион Райан выдержал Атаку пятерых, еще раз доказав свою силу и готовность подчиниться нашему правлению. Как вы можете видеть, – он указал на Райана, – он пережил это на удивление без серьезных последствий.

Его слова вызвали несколько приглушенных вздохов. Атака пятерых использовалась в качестве наказания на тренировках сотуриона. Руки воина связывались за спиной, и пятеро сотури нападали на него. Воин реально мог умереть. Если он падал, его не оплакивали, а лишь считали непригодным к бою.

Внезапно беззаботное поведение Райана, противостоявшего пятерым сотури на улице, обрело смысл. Он уже убил акадима и сразился со связанными за спиной руками с пятью сотури.

Я сомневалась, был ли Райан убийцей или нет. Но вне всякого сомнения понимала, что он мог стать опасным врагом.

Наместник рассмеялся.

– Убил акадима, уцелел в Атаке пятерых – и ни единой царапины? – Он пробежался взглядом по телу Райана. – Хотел бы я увидеть это сам. Удивлен, что зрелище такой важности проводилось в тайне.

– Я полагаю, – ответил Эмон, – что пятеро ваших сотури могут засвидетельствовать его силу. Возможно, именно та пятерка, которую выставили в караул для сегодняшнего праздника?

Наместник Кормак улыбнулся, опускаясь на свое место.

– Я уверен, что когда-нибудь у меня появится возможность увидеть великого убийцу акадима в действии. – Его взгляд упал на меня. – Давайте приступим к церемонии. Я знаю, с каким нетерпением, должно быть, участники сегодняшнего вечера этого ждут. Особенно леди Лириана.

Внутри все сжалось, когда всеобщее внимание переключилось на меня. Райан неспешно прошествовал к задним рядам, выбрав скамью в конце красного луча. Церемония началась.

Колайя двигалась так быстро, что все происходящее ощущалось как в тумане. Я едва видела, как другие адепты обретали свою магию. Казалось, с каждой секундой белые одежды исчезали рядом со мной. Так много магов демонстрировали прекрасные всплески своей маги-

ческой силы: удары молний, небесную музыку. Вскоре единственными остались адепты из главных семей благородных Кавимов.

Леди Пави из Ка Элис пошла следующей, представ перед зрителями в темно-фиолетовом платье, когда она объявила о своем желании стать сотурионом. Затем Виктор Кормак подошел к Обители.

– Сотурион, – произнес он, сбрасывая свой балахон на пол. Хранителю красного луча пришлось обойти свой стол и поднять его одежды. Он дерзко протянул свою руку Колайе и пролил кровь над пламенем, а затем выхватил свой кинжал, на котором все еще дымилось его имя.

После остались только я и Нария. Она встала и сбросила свой балахон под Вечным пламенем.

– Сотурион, – громко объявила она.

У меня челюсть отвисла. Нария хотела стать сотурионом? С каких это пор? Она никогда не проявляла к этому никакого интереса. К тому же ей пришлось бы подчиниться приказам Стремительного, а она его ненавидела. Когда ее отец поднял восстание, именно Стремительный убил его на улице.

Нария позволила каплям крови упасть в огонь и обрела свою магию, подпрыгнув в воздух. Она грациозно закружилась, паря над полом, и затем приземлилась с крошечными голубыми искорками, заслужив аплодисменты.

Теперь я единственная была облачена в белый балахон адепта. Болтовня прекратилась, и все взгляды устремились на меня, младшую дочь и наследницу Аркасвы Харрена Батавии и покойной Аркасвы Марианны Батавии, Верховного лорда и Верховной леди Бамарии.

Породитель ублюдков подался вперед, поглаживая ладонью рукоять своего меча и осматривая меня с головы до ног. Рядом с ним Наместник, оскалившись, поерзал на месте.

Старательно отводя глаза от отца, боясь, что выдам нас, я сделала глубокий вдох.

Но воздух так и не поступил в легкие. Меня прервали на полувздохе, и мне показалось, что я вот-вот задохнусь. На лице застыла маска боли, но благодаря некоей внешней силе я по-прежнему выглядела спокойной. Ноги двигались против моей воли, шагая вперед, правая нога была тяжелее левой. Я не могла повернуть голову или сменить темп. Отец уже захватил контроль над моим телом, как сделал это с Мирой и как в прошлом году проделал подобное с Морганой. Краем глаза я заметила, что Тристан улыбается мне со своего места и одними губами произносит: «Я тебя люблю». Но я не могла отреагировать, не могла улыбнуться или ответить, что тоже его люблю. Его глаза погасли, наполнившись болью и отвержением.

Я неловко шагнула вперед, едва не потеряв равновесие. Сердце екнуло от страха споткнуться. Я не контролировала свое тело. Внезапно моя голова дернулась, вызвав спазм в шее, и диадема на лбу покачнулась. Мой взгляд упал на Виктора Кормака. Словно желая свести к минимуму мою странность, отец заставил мои губы растянуться в глупой улыбке – улыбке, адресованной Виктору.

Проклятье Оруэла.

– Леди Лириана Батавия, наследница Аркасвы, Верховного лорда Бамарии, какой путь вы выбираете?

Контроль отца надо мной ослаб, и я глубоко вздохнула.

– Мага. – Я позволила своему ответу повиснуть в воздухе, прежде чем скинула балахон с плеч.

Ожерелье Рамии засияло в свете вечного огня, который менял цвет с фиолетового на красный. Красный цвет Батавии. Каждый бриллиант, сверкая и переливаясь, излучал звездный огонь. Послышались приглушенные голоса, сопровождаемые шокированными ахами от его броскости, а также благоговейным трепетом перед его великолепием.

Я едва могла разобрать слово «ожерелье», которое шептали со всех углов зала. Даже глаза Наместника, который сидел разинув рот, были прикованы к драгоценностям на моей груди и плечах. Моргана едва заметно кивнула в знак подтверждения. Мое отвлечение сработало. Она прикусила губу. Мы были близки, так близки к завершению этой игры. Мне оставалось еще немного продержаться, играя свою роль.

Я протянула свой балахон Хранителю и повернулась к кинжалу Колайи. Она так быстро сделала надрез на запястье, шокировав меня, что я чуть было не развернулась к пламени сотуриона. В чаше мага, некогда наполненной чистой океанской водой, теперь была кровь. Я поднесла руку, добавляя свою собственную.

– Моя клятва начинается здесь.

И затем мой посох оказался у меня в руках. Мой посох! Сердце радостно забилося. Гладкое дерево показалось мне прохладным, когда я сжала его пальцами. До этого момента я не осознавала, как сильно хотела этого, мечтала об этом. Из-за своих переживаний я совсем забыла, что получу свой посох и тоже смогу творить магию. Золотая сфера света, невыносимо яркая и теплая, опустилась, осветив мое тело золотым сиянием и ослепив меня.

Ожерелье обжигало кожу, и мне показалось, будто вдалеке я увидела образ богини Ашеры с длинными распущенными рыжими волосами, она прижимала палец к своим губам. Образ растворился вместе с золотым свечением, исчезая у меня под ногами. Языки пламени пробежались по посоху, оставив после себя ярко-красные пылающие буквы моего имени «Лириана Батавия», а вокруг меня клубился дым. Сердце колотилось одновременно от страха и предвкушения. Мое Заклинание новорожденного было снято, но ничего не произошло.

Когда Мира обрела свою магию, она сразу же погрузилась в видения. Голова Морганы раскалывалась от боли, когда сокровенные мысли каждого в храме проникли в ее разум. Я не испытывала ни того, ни другого. Я никуда не перенеслась, а продолжала стоять на месте. Никакого ворока! Хвала богам! Слезы навернулись на глазах. Я в безопасности.

Но взглядевшись в толпу люмерианцев, на чьих лицах застыла смесь презрения и подозрительности, в меня закралось сомнение. Я не обладала вороком, но также не чувствовала никакой магии. Никаких порывов или вдохновения. Я слышала, что магию описывали как жужжащее, пульсирующее, почти жгучее ощущение внутри, от которого хотелось избавиться. Прожив девятнадцать лет под Заклинанием новорожденного, магию, заключенную внутри, едва ли представлялось возможным сдержать. Большинство люмерианцев за несколько недель до своей Церемонии буквально сходили с ума, потому что не могли противостоять мощному уровню силы, заключенной в них самих. Я этого не замечала. Но у меня были другие проблемы.

Я посмотрела на картины с изображением Валии, украшающие стены храма. Все остальные участники, когда обретали свою магию сегодня вечером, делали то же самое. Картины должны были ожить для меня, показать эти истории, раскрыть свои секреты. Но они оставались неподвижны. Контролировал ли меня отец настолько сильно, что я не могла видеть двигающиеся картины и чувствовать свою магию?

Может, в этом все дело? Возможно, его контроль надо мной повлиял даже на мою магию. И, может, я вовсе не была в безопасности. Пока нет. Сердце бешено колотилось, перед глазами все расплывалось, я осознавала, что тишина в храме перерастает в неприятное бормотание. Подозрение присутствующих усиливалось. Что-то должно было случиться. Мой отец должен был что-то сделать. Но он бездействовал. Я чувствовала его силу, но вместо того, чтобы показать магию, он ввел меня в оцепенение.

Я едва могла различить слабое голубое свечение, исходящее от посоха в его черных одеждах. Моя рука взметнулась вверх, а затем безвольно повисла вдоль тела. Свет погас, его контроль надо мной полностью исчез. Я покачнулась и чуть не упала вперед.

Сотурион Ка Кормака натолкнулся на моего отца, выбив у него из рук посох, который покатился по полу к ногам Наместника Кормака. Тот его поднял.

– Как ты смеешь... – раздался голос отца.

– Арестуйте дурака, – приказал Наместник, вытирая посох своим плащом, после чего крепко прижал его к себе и неспешно двинулся к моему отцу. – Аркасва Батавия, прости Ка Кормака за неуклюжесть этого сотуриона. Он будет сурово наказан.

Породитель ублюдков подал знак, и один из его людей оттащил солдата прочь. Наместник теперь стоял прямо рядом с отцом, слишком близко, чтобы он мог мне помочь. Глаза защипало от слез. Проклятье Мориэла! Он знал! Черт возьми, он все понял. Он догадался, что задумал мой отец, и разыграл свой собственный отвлекающий маневр, чтобы поймать нас с поличным.

– Приношу свои извинения за это недоразумение, ваша светлость, – сказал Наместник, наконец возвращая посох. – Продолжайте.

Я подняла свой посох, и рука задрожала, когда мной овладел новый страх, о котором я не думала даже в самых безумных фантазиях. Даже без сдерживающей магии отца, контролирующей мое тело, даже избавившись от Заклинания новорожденного, я ничего не чувствовала. Никаких ощущений, никаких порывов.

Во мне не было никакой магии. Ничего не происходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.